

Слава Доронина

Любовь не продаётся

«Литнет»

2018

Доронина С.

Любовь не продаётся / С. Доронина — «Литнет», 2018

Спасая прекрасную незнакомку и её маленького ребёнка от пьяных отморожков, я даже и подумать не мог, какой катастрофой это обернётся. С виду хрупкая и беззащитная девушка с большими бездонными глазами оказалась развратной танцовщицей в местном клубе, а моё предложение о помощи закончилось звонкой пощёчиной. Раньше я чётко знал: в этом мире всё покупается и продаётся, достаточно лишь озвучить ценник. Но так ли это на самом деле? ХЭ. ОДНОТОМНИК. ♥# Бесплатная история «Её тайна»: ♥# Ещё одна новинка «Билеты в один конец»:

© Доронина С., 2018

© Литнет, 2018

Содержание

1 глава. Евгения	5
2 глава. Евгения	9
3 глава. Евгения	13
4 глава. Артем	17
5 глава. Артем	21
6 глава. Евгения	25
7 глава. Евгения	29
8 глава. Артем	33
9 глава. Евгения	38
10 глава. Артем	42
11 глава. Артем	46
12 глава. Евгения	50
13 глава. Евгения	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

1 глава. Евгения

В аудитории стояла невыносимая духота. Створки старых окон были настежь распахнуты, но воздух проникал горячий и удушающий. Я выводила ручкой на листе замысловатые фигуры и знаки, делая вид, что слушаю преподавателя и заношу его слова в конспект, хотя на самом деле витала где-то в другом измерении. Если бы не пекло, которое настигло нас в середине мая, можно было бы легко перенестись в мир грез. Но эта жара служила удушающим напоминанием о реальности. Ни мечтать, ни думать о чем-либо не хотелось.

— Итак, на сегодня все, — прозвучало как клич победы из уст преподавателя, ухоженной женщины в годах с пучком на голове, похожим на воронье гнездо.

— В такую жару, если в этот ворох сена кинуть тлеющую спичку, он моментально вспыхнет как свечка, — смеялись парни, сидящие за моей спиной.

Ухмыльнувшись над их недалекой шуткой, я сбросила тетради и ручку в сумку и поспешила выйти из душного помещения.

Колледж, где я заканчивала последний курс, был беден, как и большинство учебных заведений, оставшихся на государственном попечении. Сплит-системы, кондиционеры и прочая роскошь казались недостижимыми для учащихся и преподавателей. Надежду давали лишь предстоящие через пару недель экзамены. И свобода. Относительная, но с легким налетом беззаботности. Перспектива забыть о учебниках была радостной. Сколько времени освободится, мечтала я.

— Женя! — окликнула меня Лариса.

Я обернулась, услышав голос подруги. Лариска спустилась по ступеням, поправила выбившийся из прически локон и остановилась рядом со мной.

— Ты сегодня на тренировку идешь? — спросила она, рассеянно оглядываясь вокруг.

— Иду, — неохотно ответила я.

— Во сколько за тобой зайти?

Настроения не было. Хотелось пить и спать. Не помню уже, когда в последний раз высипалась с этой учебой и подработкой.

Парни проходили мимо, кидая в нашу сторону многозначительные взгляды. И я каждый раз боялась, что когда-нибудь меня узнают, точнее, об моей маленькой тайне и «небольшой подработке», и по городу поползут грязные слухи, доберутся до матери. Вот тогда явно ничего хорошего не жди.

Ни меня, ни Ларису никогда не видели на тусовках. С однокурсницами мы мало общались. Со стороны казалось, будто мы были неприступными крепостями, но на деле мы просто избегали ненужного внимания.

— Давай как обычно. Как же жарко сегодня, — Лариска провела рукой по влажному лбу.

От жары плавился мозг, наступало бессилие. Как я радовалась, что скоро мы сдадим экзамены и вырвемся на свободу, хоть и на три месяца. Но о свободе, конечно, я погорячилась. Уже присматривала новое место для подработки на всё лето. Сидеть без денег — совсем не радужная перспектива.

— Хорошо, созвонимся, — мы попрощались и разошлись.

С Ларисой мы дружили со школы, с самого первого класса. Делились сокровенными мечтами, вместе ходили на тренировки по танцам в спортивную школу, шли рука об руку по жизни и смотрели на этот мир одним взглядом. Хранили еще одну тайну на двоих и мечтали уехать в большой город, добиться успеха и выбраться из нищеты. И сейчас был самый подходящий возраст для этого. Если немного протянуть, то осядем здесь, скорее всего, уже навсегда.

Щурясь от яркого солнца, я шла по знакомым улицам, перебирая в голове планы на остаток дня. Сил не было ни на что, духота выматывала, хотелось отправиться к речке. Но мне

нужно было идти домой и помочь матери посидеть с братишкой, пока она уйдет на работу в вечернюю смену. А после ее прихода на работу уже уйду я. Так мы крутились с ней, ведь жить на что-то нужно было. В глубине души мечтала, что сдам экзамены, заочно продолжу учиться и пойду работать. Затем получу специальность, устроюсь на постоянную работу и буду помогать матери и Мишке. Хоть какой-то копеейкой. Хоть покупкой продуктов. Хоть чем-то, потому что видела отчаяние и боль на лице матери, безнадежность в её глазах и пустоту, с которой она жила уже несколько лет.

Отец бросил нас и ушел к молодой любовнице. Просто собрал чемоданы, когда я была на учёбе, Мишка в садике, а мама на работе, и сбежал из дома как трус. Даже развод не оформил, чтобы алиментов на сына не платить. Как предатель самый настоящий и бессовестный. А мать... она просто вмиг поседела и постарела на десять лет, перестала улыбаться и воет иногда до сих пор в подушку, когда Мишку спать уложит. А я слышу все это, но вида не подаю, потому что боюсь подойти, вместе с ней в голос разрыдаться и Мишу разбудить. Так сердце сжималось от жалости и обиды за мать. Да и за себя тоже. Мечтала уехать в большой город. А теперь... Теперь не представляла, как оставить маму и брата одних. Даже не знаю, что могло бы меня толкнуть на этот шаг. Ненавижу за это отца. Предатель. Живет в свое удовольствие, а мать вкалывает на двух работах. У меня сердце рвется на части, как представляю, что Мишка маленький, а уже не нужен отцу. О себе я как-то не думаю, я все же успела получить от отца хоть какую-то ласку и любовь, а вот брат... Отчего такая несправедливость? И ведь даже не знаю, что говорить, когда он спрашивает, где папа? Что ему отвечать, когда у меня вместо некогда сильной любви осталась к этому человеку только люта я ненависть?

Я шла по горячему асфальту, и мне казалось, что мои ноги проваливаются в него, утопают как в песке, и что все вокруг плавится от такой температуры. Ветер едва шевелил листья на деревьях, что росли возле нашего дома. В тени от них приятно пахло свежестью и прохладой. Вначале мая всё вокруг буйно зацвело, и от благоуханий кружилась голова. Остановившись в тенике рядом с сиренью, я вдохнула сладкий аромат и блаженно прикрыла глаза. Сорвав несколько маленьких веточек, я пошла по узенькой тропинке, что вела к нашему дому.

Едва переступила порог крыльца, а навстречу мне уже мчался маленький Миша.

— Привет, — я погладила братишку по голове, поцеловала в светлые мягкие волосики.

— Ты больше никуда не уйдешь? — он нахмурил брови, потому что знал, что сегодня у меня тренировка.

Но напрасно хмурился, я всегда брала его с собой. Что было в этой маленькой головке? О чем думал? Ведь я ни разу еще не подвела этого безобразника. Терпела все его капризы и постоянно жалела. И он чувствовал эту любовь, ластился и бегал за мной как хвостик.

— Уйду, но на чуть-чуть. Со мной пойдешь? — я обняла маленькие плечики.

— Пойду! — на лице просияла улыбка. И брат захлопал в ладоши.

Я улыбнулась ему в ответ.

— Держи, — протянула ему благоухающие веточки с ярко-сиреневыми цветами.

— Как красиво! — он запрыгал на месте от возбуждения. — Что это? — как все четырехлетки, Миша был очень любознательным и активным.

Самый весёлый возраст, и понимает уже все, и в то же время нужен глаз да глаз за маленьким шалопаем.

— Сирень, Миша, — я искренне улыбалась.

Рядом с ним проблемы имели удивительное свойство уменьшаться в размерах, а сердце, наоборот, увеличиваться от щемящих чувств. Я осознала всю свою любовь к брату лишь в момент, когда отец нас оставил. Во мне тогда столько кипело страстей — от непонимания до свирепой ненависти. Это сейчас я остыла и потухла. Мне стало ровным счетом наплевать на человека, который вычеркнул нас из своей жизни, а первое время сильно переживала.

Я вошла в дом, брат схватил веточки и принялся рассматривать и нюхать, будто увидел впервые. Хотя за год возможно и позабыл, что в прошлом мае я каждый день тащила в дом эти веточки. Мне очень уж нравится этот аромат. Как токсикоман, не могла им надышаться.

— Мам? — я зашла в комнату, оставив сумку на стуле в прихожей.

— Вернулась? — сухо отозвалась мама.

Несмотря на все удары судьбы, мама осталась прежней — доброй, сострадательной, внимательной, не ожесточилась и не стала истеричкой, не стала пить, заливая горе алкоголем, а с каким-то обречением шла вперед, лишь перестала улыбаться, как раньше. Если только иногда Мише. Будто темные дементоры высосали из нее всю радость и счастье. Да, те самые вымышленные существа из мира Гарри Поттера, которые питались хорошими воспоминаниями. История о маленьком волшебнике со шрамом на лбу увлекла Мишу, и теперь он постоянно просил, чтобы я ему про него читала. А я, в свою очередь, тоже просвещалась, узнавала, чем интересовалась современная молодежь и с любопытством перелистывала странички.

Мама готовила на кухне, и я, вымыв руки, пристроилась на одном из стульев возле стола, чтобы помочь.

— Духота сегодня, — мама вытерла влажный лоб и взглянула на меня.

У меня сердце снова сжалось от боли. Возможно, со временем я привыкну к такой маме, но мне было жалко её. При мне она старалась держаться, а у самой в глазах была бездонная пустота.

Миша вбежал на кухню.

— Смотри, мамочка, что Женя принесла, — он помахал веточками, отчего пол усеяли опавшие сиреневые цветки.

— Мишка! — прикрикнула мама, — не мусори! — вытерла руки о фартук, резко вырвала ветки из маленьких рук и бросила на стол.

Нижняя губа Миши задрожала, и он с обидой посмотрел на мать. Он ещё не понимал, что мама устала, что думала о том, как нас прокормить, на что одевать. Хотя я всячески старалась помогать, с юных лет у меня было стойкое чувство, что я всё время была кому-то что-то должна. А по сути, положила руку на сердце, должна была лишь этому маленькому ребёнку, который с уходом отца в какой-то степени осиротел. Мать все чаще срывалась на нем, как будто он был виноват во всех ее бедах. Но как мама не понимала, что Мишка и был тем маленьким оазисом среди всей этой внезапно раскинувшейся пустыни безнадежности в нашей жизни. Да и Бог с ним, с этим отцом, ушел — и скатертью дорога.

Шумно выдохнула и встала, достала стеклянную банку в одном из шкафчиков, налила воды и поставила яркие веточки в воду.

— Сейчас уберу, — бросила через плечо матери, взяла в одну руку ладошку Миши, другой прижала банку к себе, и повела брата в свою комнату. — Цветочки быстро осыпаются, если их не поставить в воду, — спокойно объяснила я, все ещё злясь на мать.

Миша ещё совсем ребёнок, и срывать на нем свою беспомощность жестоко.

— Посиди здесь, я пойду, соберу опавшие листочки и вернусь, — поцеловала в пухлую щечку и ушла.

Мать по-прежнему находилась на кухне. Я же молча собрала все с пола, выбросила в мусорное ведро, что стояло под раковиной.

— Я скоро на смену, Мишка на тебе, — мать стояла ко мне спиной.

— Хорошо, — отозвалась я.

— Буду дома в девять, приготовь что-нибудь на ужин и покорми брата.

Я и так знала все эти прописные истины. Сейчас сама перекушу что-нибудь и засяду за учебники, затем покормлю Мишу и вечером возьму его на тренировку, к девяти вернусь. С Мишей у нас был уговор, что он не говорит маме, как мы проводим вечер. Обычно я отвечаю, что гуляем, а на деле... Это оставалось нашей маленькой тайной, потому как мама подняла

бы скандал. Она всегда была против моего увлечения танцами, считала это чепухой и пустой тратой времени.

— Ты сегодня тоже в смену? — спросила она.

— Да, — протянула я, ощущая стыд, что снова скрывала правду.

Не помню уж, как пришла в голову эта идея, но матери сказала, что подрабатываю официанткой в одной из кафешек в центре города. Ну, а что? Возраст совершеннолетний, вечера свободны. Деньги с чаевых приношу стабильно. Мать поверила, а я была рада, что она не знала об истинном месте работы.

Но жизнь иной раз сама диктует свои правила. В моем случае — я рано повзрослела и увидела ее обратную сторону. Отчасти причиной тому стал поступок отца. Безденежье подлило масла в огонь, а наивные и детские глаза моего брата, измученная мать и желание выглядеть не хуже своих сверстниц и одноклассниц, толкнули меня на отчаянный шаг. Дело случая, но я считала эту работу своим везением. А Эндара, который появился на жизненном пути и вошел в мое положение, своим спасителем.

Вечером мы созвонились с Ларой. Оторвавшись от учебников, я на скорую руку сварила макароны, посыпала их сахаром, мы перекусили с Мишей, и я, прихватив сумку и братца, выбежала из дома.

2 глава. Евгения

На плече висела сумка со сменной обувью, одеждой, водой и несколькими печеньями для Миши. Я прекрасно понимала, почему ребёнок так ко мне ластился и тяжело переносил даже короткие расставания — все свободное время я проводила рядом с ним, таскала его повсюду, словно он был не братом, а родным ребёнком. Я начала работать, чтобы иметь возможность самой покупать брату лишнюю шоколадку.

Единственное, что меня корбило, — это необходимость врать матери. Говорила, что работаю в кафе и вечерами гуляю с Мишей на детской площадке. И, к счастью, у неё не оставалось ни сил, ни времени проверять мои слова. А Мишка, к слову, ещё ни разу не проболтался. Он очень меня любил и внимательно слушал каждое моё слово.

Лара ждала нас у входа в спортивную школу, потирала руки и заметно нервничала — это я увидела ещё издали. Слишком хорошо я её знала.

— Привет, сорванец! — Лара потрепала Мишку по голове и подмигнула ему, в её взгляде читалась паника и неразбериха, которую она даже не пыталась скрыть.

— Что случилось? — спросила я сразу.

— Школу хотят закрыть. Здание снести, а на его месте построить новый торговый центр, представляешь? — с жаром заявила Лариса.

Я облегчённо выдохнула, думала, что случилось что-то серьёзнее.

— Пусть хоть замок здесь построят, — недовольно буркнула я в ответ.

Однако теперь придётся искать новое место для тренировок и репетиций. Эндар точно не поймёт нас и не предоставит нам бесплатную площадь для разучивания новых движений и па.

— А где теперь будем заниматься? И Мишке ведь здесь было раздолье — всё время рядом играл. Не на улицу же идти?

— Ох, Ларис, — вздохнула я и потянула на себя дверь. — Выкрутимся. Я уж думала, что ты с какими-то новостями пришла. Боюсь, если до мамы всё это дойдет. Скандал устроит, не дай Бог, ещё с Мишкой запретит общаться, — посмотрела на брата с такой любовью, что от одной мысли о расставании больно стало в груди. С пелёнок за ним ухаживаю. Всё-таки разница в возрасте у нас существенная, почти пятнадцать лет.

— А что, если Эндар начнёт противиться, попросит новый танец, чтобы мы маски сняли? Нужно в Москву ехать, пытаться поступить куда-нибудь. Может, по конкурсам походить. Не знаю...

Сейчас главное — экзамены сдать и лето продержаться. А там глядишь и, правда, в Москву подадимся. Только куда я поеду от матери и брата? Как Миша будет без меня? А матери кто будет помогать?

— По минному полю ходим. Сразу шалавами заделаемся, как только кто-то пронюхает, что мы танцуем по ночам в клубе у Эндара.

— Ну ладно я, — резко остановилась, отчего Лара врезалась мне в спину, а Мишка споткнулся. — У меня вон, — я кивнула в сторону брата, — и мать зашивается на двух работах. Я от безвыходности решилась, а ты?

Лариса изумлённо хлопала глазами.

— За компанию, — ухмыльнулась подруга и обняла меня за плечи, чмокнула Мишку в макушку головы. — И люблю вас обоих безумно. Куда я без тебя? И без него?

На сердце потеплело от этих слов.

Поддержка Ларисы всегда была как бальзам на душу, как глоток свежих сил. Мне иногда хотелось просто поблагодарить подругу за то, что она была рядом. Столько всего мы с ней пережили.

— Давай по-быстрому разомнемся, потанцуем и по домам? Я матери обещала рассаду полить, — Лариса прошла в середину зала.

С шести вечера в зале становилось относительно пусто. Секции заканчивались в пять, и кроме сторожа дяди Мити, который нас и пускал внутрь, никого поблизости не было.

Мише выдали мяч, обруч и скакалку. Он возился со спортивным инвентарем, пока мы с Ларисой быстро отрепетировали танец.

Наше увлечение началось лет пять назад. Мы тогда часто оставались друг у друга с ночёвкой и кривлялись под современную попсу. Затем это нас так увлекло, что мы попробовали поставить свой первый танец. С появлением дома интернета мы всерьёз занялись изучением современного танца, освоили танец живота, уличные танцы. Мне особенно удавался и нравился брейк-данс. У меня была хорошо проработана верхняя часть тела, а у Ларисы — нижняя. Вместе мы долго оттачивали мастерство. Конечно, всё это делалось на интуитивном уровне, путём бесконечных тренировок, чаще падений, а не взлётов. И в большей степени для себя, редко афишируя свои навыки и таланты.

Но однажды нас заметил Эндар, человек, с которым неохотно связывались местные жители. Он держал два клуба в городе, в одном из которых мы танцевали с Ларисой. Платил по нашим студенческим меркам хорошие деньги и разрешал скрывать лица под сценической маской.

Прошлой осенью мы случайно встретились в этом спортивном зале. Не знаю, каким ветром сюда занесло нашего авторитета. Поговаривали, что здесь занимался боксом его младший сын. Но так сложилась, по-видимому, судьба. Эндар нашёл недорогих танцовщиц в клуб, а мы — заработок. В тот ноябрьский поздний вечер мы с Ларисой шли из спортшколы домой. На улице было холодно, промозгло и сыро. Внезапно возле нас притормозила шикарная иномарка.

Эндар оказался настойчив и, получив в первый раз вежливый отказ, снова нас нашёл. Следующим же вечером пришёл в спортшколу, навёл предварительно про нас справки, что мы были совершеннолетними, и с порога озвучил нам своё предложение.

Мы, точнее я, долго не думали. Лариса согласилась следом. И уже через два дня мы были в клубе у Эндара и проходили собеседование.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что на такие опрометчивые и безумные поступки меня подтолкнули обстоятельства, безденежье и необязательный отец, который нас предал, но теперь я об этом несколько не жалею. Мы потихоньку с Ларой оттачивали своё мастерство и мечтали хоть когда-нибудь перебраться в большой город. Мне нравились танцы, а то, что я виляла задом перед толпой пьяных незнакомцев... так пусть смотрят, мне не жалко. Главное, чтобы не трогали и деньги платили.

Мы мечтали уехать с Ларой в большой город — Москву или Санкт-Петербург и там уже затеряться в толпе, потихоньку заниматься любимым делом, учиться и пытаться найти своё место под солнцем. Единственное, что разрывало сердце на части — как оставить Мишу одного? Но я старалась об этом не думать. Просто оттягивала этот момент, иначе, поддавшись чувству жалости, так и застряну в этом дремучем болоте. Может, я ошибалась, и счастье заключалось далеко не в том, чтобы стать успешной бизнес-леди, вернуться в город на роскошном автомобиле, посадить в него брата и мать и забрать их в столичную квартиру. Но когда ещё об этом мечтать, как не в девятнадцать лет. Я не хотела жить как мать, убиваться по мужчине-предателю. Хотела отдать Мишу в какую-нибудь секцию, например, теннис или плавание, чтобы у него было будущее, цель, к которой бы он стремился, несмотря ни на что. Много мыслей и чувств меня одолевали и разрывали на части. Но в итоге придётся чем-то жертвовать. По-другому никак.

— Жень, ты к экзаменам готовишься?

Мы закончили тренировку и собирались домой.

Обе торопились, но очень хотелось пообщаться. Получалось урывками. Мы уже не проводили вместе столько много времени, как прежде. Детство кануло в небытие, а помощь родителям никто не отменял. С возрастом груз ответственности лишь прочнее закрепился на наших плечах.

— Готовлюсь, — без энтузиазма ответила я. — Мишка вон скоро весь учебник тебе перескажет, если спросишь у него.

— Миша, в каком году отменили крепостное право? — на полном серьезе спросила Лара. Скрестив руки на груди, я с надменным выражением лица посмотрела на подругу.

— Ну, Миша, жги, — не сдержала улыбки.

— Рабов отменили заделывать при Александре Втором, — с гордостью пролепетал мой брат.

Этому я его научила ещё зимой. Просто Лариске не хвалилась. Читала учебники вслух, и Мишку иногда просила за собой повторять. А про крепостное право — это отдельная тема, как и с теми понятиями, что кто-то был кому-то что-то должен. С мальчества Мишку приучала быть смелым и не прогибаться ни перед кем за какую-нибудь конфету. На детской площадке, куда мы ходили с братом, его часто дразнили нищеводом. Хорошо, что маленький ещё был и не понимал до конца смысла этого слова. А вот станет постарше и начнёт комплексовать, не дай Бог, ещё заработок левый искать начнёт? Поэтому-то я и хотела выбраться из безденежного болота, но только не знала, как.

— Заделывать? — хохотала Ларка, и я залилась смехом вместе с ней.

Миша явно немного перестарался.

— Правильно, мой хороший, — Мишка насупился, увидев, как мы хохотали в голос. — Мы смеемся над Ларой, она взрослая, а у тебя, маленького, спрашивает такие простые вещи.

— Да, — гордо согласился он, а я толкнула Лариску в бок, чтобы прекратила ржать.

Недаром говорят, устами младенца глаголет истина. Отменили крепостное право и рабов тоже перестали заделывать — вольных только.

Мы выключили свет, попрощались с дедом Митей и пошли по домам. Ларисе нужно было идти в другую сторону. Миша помахал ей ладошкой вслед, и мы направились по знакомому маршруту. Сгущались сумерки. Я крепко держала брата за руку, и мы болтали с ним о всякой чепухе. Точнее, я отвечала на его вопросы и просто отдыхала, наслаждаясь вечерней прохладой и Мишиным присутствием.

Тихо шли по тротуару и никого не трогали, машины изредка проносились по главной дороге мимо, и я предвкушала, что скоро снова будем с Мишей дома, сможем перекусить, пусть теми же макаронами с сахаром и кусочком сливочного масла. Но я так была голодна, что и эта еда мне казалась деликатесом.

Но в мечты вмешалась машина, которая притормозила совсем рядом с нами, преграждая путь. Мы как раз стояли на перекрестке и собирались переходить дорогу.

Наглухо тонированное стекло опустилось вниз, и показалась коротко стриженная голова наглого здоровяка. Он сплюнул прямо нам под ноги, осматривая нас таким взглядом, будто я задолжала ему двести баксов и не отдавала уже несколько лет.

— Я говорю тебе! Эта та девка из клуба.

Я опасливо осмотрелась по сторонам, примечая, нет ли поблизости прохожих, боясь в первую очередь за свою репутацию.

— Да ладно? Что-то она не похожа... — мужик, который сидел рядом с водителем, тоже наполовину показавшись в приоткрытом стекле.

И теперь две пары глаз осматривали меня с ног до головы.

— Поди с сыном. Такая молодая. Точно шалава. Говорю тебе!

Я крепче сжала маленькую ладошку Миши.

— Жень, а кто такая шалава? — брат дернул меня за руку и поднял голову вверх.

Я встретила с заинтересованным взглядом малыша и уверенно улыбнулась.

— Не сейчас, Миша, — нужно было уносить ноги. Ни в коем случае не вступать в разговор.

— Пропустите, пожалуйста. Вы с кем-то нас перепутали, — уверенно произнесла я и решительно сделала шаг в сторону, намереваясь обойти машину и продолжить движение по направлению к дому.

Но водитель, заметивший мой маневр, надавил на педаль газа, и едва на нас не наехав, снова преградил путь. Сердце в груди замерло, когда я поняла, что просто так они от нас не отстанут. Видимо, напились мужики и искали приключений на свою задницу. Но я с Мишей точно их не искала.

— Куда собралась, сладенькая? Даже если ты и не та танцовщица из клуба, колечка на пальце-то все равно нет, никто не провожает. Давай развлечемся, а? — от мужчин неприятно пахло алкоголем.

Пары спиртного ударили в нос, и я отступила на несколько шагов назад. У меня не то что кольца на руке не было, я вообще не носила украшений. Никогда. Просто не любила их, вечно они казались мне лишними и неуместными.

3 глава. Евгения

— У меня ребенок, за языком следи, — процедила я сквозь зубы, а сама смотрела по сторонам.

Как назло, поблизости не было ни души. Я думала о том, чтобы схватить Мишку на руки и бежать без оглядки. Но мы стояли посреди дороги, и я высматривала закоулки, где бы мы могли скрыться. Неизвестно, что взбредет в эти пьяные головы.

— Ишь ты, какая моралистка! — ухмыльнулся белобрысый мужик.

Скривил губы в нахальной усмешке, сощурил маленькие пороссячьи глаза и снова окинул меня противным похотливым взглядом.

— Да сажай ее с детёнышем, потом разберемся.

Я мельком глянула в сторону Миши, он смотрел на мужчин испуганным взглядом и молчал, прижавшись к моим ногам.

— Только подойди! — чуть ли не прорычала я.

— Сажай, сажай! — забавлялся водитель. — Поедем к речке, засунем ее в воду, пусть слегонца остынет.

Мне и в самом деле становилось жутко, и я уже собралась бежать. Хватать Мишку и что есть сил перебирать ногами до первого укромного уголка.

Но замешкавшись лишь на секунду, которая и стала роковой, я проشياпила момент, когда могла бы это сделать. Дверь с пассажирской стороны раскрылась и недоумок, что предлагал меня затащить в машину, подбежал и вцепился в руку Миши. Он с силой дернул на себя ребенка, вырвав его ладошку из моих рук. Тут же оттащил от меня завопившего брата и засунув в машину, захлопнул дверь.

Все произошло так быстро, что я едва успела опомниться.

— Отпусти! — я кинулась к машине, осознав, что именно такой реакции от меня и ждали.

Чтобы я сама подошла к железной клетке на колесах. Стриженому амбалу останется лишь открыть дверь, затолкнуть меня к ребенку и готово.

От ужаса, что я не уберегла брата, у меня волосы зашевелились на голове. А от того, как истошно вопил Мишка, и вовсе закладывало уши. Меня накрыло волной паники, и я уже не отдавала отчет своим действиям. Не замечала ничего вокруг. Мужик с силой вцепился в мою руку и потащил к задней двери.

В голове не укальвалось, что посреди улицы какие-то наглые и обдолбанные незнакомцы собирались затолкать нас вот так запросто к себе в машину, и возможно кто-то видел это в окна, но никто не спешил прийти на помощь.

Сжимая мое запястье, негодяй пытался затолкнуть меня в уже открытую дверцу машины. Я сопротивлялась, пыталась вырваться и кричать. Но что толку, когда по стечению обстоятельств поблизости никого не было?

Внезапно я услышала, как с силой завизжали тормоза. А буквально через мгновение увидела высокого мужчину в черной футболке и очках, который выскочил из машины. Он был намного выше моего обидчика, что выламывал мне запястье и пытался затолкнуть в узкую дверь.

— Какие-то проблемы? — сурово произнес он.

В руках мужчина держал телефон, по которому набирал номер и тут же приложил сотовый к уху.

— Полиция? На пересечении, — осмотрелся по сторонам, — Долгопрудной и Радужной — нападение на девушку с ребенком, — говорил твердо и уверенно, а у меня сердце билось где-то в районе горла, не могла даже толком соображать. Лишь единственная мысль пульсировала в голове — вытащить Мишу из машины и успокоить, чтобы не кричал и не боялся.

Мерзавец отпустил мою руку, чертыхнулся, а водитель, который держал на переднем сидении моего брата, открыл дверь и вышвырнул Мишу на улицу. Брат упал, протесав коленками асфальт и захныкал.

— Миша! — бросилась я к нему.

Подонки спешно засобирались и вмиг сорвались с места, а я подняла брата на руки. Он плакал и держался за разбитые колени. Как только земля носит таких недоумков!? Ладно меня напугали, но ребенка! Да и еще так грубо вышвырнули, словно тот был игрушкой. Убить таких негодяев мало!

— Все обойдется, не переживайте, — услышала где-то над головой голос спасителя.

Даже не поняла, что вслух это все говорила, так испугалась за Мишу. Не за себя.

— Спасибо, — отозвалась я, прижимая Мишу к себе.

Брат плакал, зарывшись лицом в моих волосах.

— Большое спасибо.

Незнакомец снял очки и посмотрел на брата, погладил по спине.

— Ну, ты же мужчина, чего ревешь? Вон видишь, какая мама у тебя отважная. В обиду давать не хотела, — я слабо улыбнулась, глядя в привлекательное лицо, ощущая странное напряжение.

Спаситель перевел на меня пронзительный взгляд, от которого мурашки побежали по спине. Внешне он был очень молод и уверен в себе. От него исходила какая-то магнетическая сила. Наверное, я насмотрелась материнских сопливых сериалов. Ведь никогда не была наивной душой и не витала в облаках. Крутила задом в облегающих одеяниях перед плотоядными взглядами, затянутыми хмельной поволокой и умело давала отпор любому. А стоило какому-то красавчику вызволить нас с Мишкой из беды, погладить брата по спине, и я поплыла? Дуреха!

Благодарность с чувством облегчения, что недоразумение осталось позади, а путь до дома был очищен вкупе с судорожными всхлипываниями маленького тельца на моих руках, привели меня в чувство. И я, не дожидаясь нового витка недоразумений, каких-либо предложений подвезти и тому подобного, быстрым шагом направилась домой, не дав незнакомцу даже опомниться.

Он, кстати, вызвал полицию? Вот и пусть сам с ней разбирается, а нам срочно нужно было бежать домой. Обработать Мише колени зеленкой, накормить его ужином, спать уложить. Скоро мать вернется, а мне еще самой на работу в клуб, который находился у черта на куличках. Но мне это было только на руку. Из знакомых точно никто меня не заметит. Да и кто пойдет в клуб — баба Маня, которая жила через два дома и ходила в таких окулярах, что была похожа на модницу стимпанка? Или тетя Света с дядей Пашей, которые не выходили никуда дальше своего огорода и магазина в конце улицы?

Дома Миша уже почти не плакал, а я не чувствовала рук, так отяжелели все мышцы, — с такой прытью бежала домой, будто за мной гналась орава собак. Вроде и страшного ничего не случилось, а мне все же было не по себе. И мой побег был, как нельзя, кстати. Разговорись я с тем незнакомцем, от мамы было бы не избежать допроса. А так я успела искупать Мишу, покормить и объяснить ему, почему маме не следовало говорить об этом инциденте. Брат у меня был сообразительный, кивнул послушно головой, но взял с меня обещание, что завтра я куплю ему конструктор. Маленький шантажист! Но я бы и два ему купила за то, что мы так легко отделались и остались невредимы.

Миша сидел в зале и смотрел телевизор, когда мама вернулась с работы. Я всю уже собиралась в клуб. Каждый раз, покидая дом, я уходила в смешанных чувствах, мне не нравилось, что приходилось врать, это тяжёлым камнем висело на сердце и тянуло на дно. Больше я опасалась за последствия, когда мать обо всем узнает. И запрещала себе думать о таком исходе, и что навсегда потеряю ее доверие, словно мысли были огорожены колючей проволокой, а по ней пущен ток. Так больно мне было обманывать близкого человека. Но и как сознаться, тоже

не знала. Мне были необходимы эти деньги. И снова наплевав на совесть, с которой никак не могла договориться, я выпорхнула из дома.

До клуба я добиралась на автобусе. Всегда надевала неприметную одежду и уже на месте наносила слой грима и облачалась в сценическую «униформу». Мы не танцевали приватов и стриптиз. Услуг эскорта тоже не оказывали. В основном, это было обычное развлекательное шоу. В клубе на небольшом помосте, справа и слева от пульта ди-джея, находились круглые сцены, там-то мы и извивались с Ларисой, словно змеи в свете ярких, переливающихся разноцветными огнями прожекторов. Чуть впереди располагалась небольшая сцена, мы выходили туда с одним из номеров, предварительно отрепетировав его. Но в большинстве случаев просто танцевали с десяти вечера и до двух ночи, развлекая и подогревая толпу отдыхающей молодежи. График был гибкий. В будние дни работали до часу ночи, а вот с пятницы по воскресенье почти до утра. Получали в месяц по пятнадцать тысяч рублей и были запредельно рады этой небольшой сумме. В нашем городе многие и на заводе на рядовых должностях столько не зарабатывали.

В клуб я влетела запыхавшаяся, потому как опаздывала.

— Здравствуй, — я поздоровалась с Эндаром.

Тот сидел в зале за длинной барной стойкой. Кроме бармена и нескольких охранников в клубе ещё никого не было. До открытия оставалось около получаса.

— Ты сегодня опоздала.

Тряхнув рукой, я посмотрела на дешёвые электронные часы.

Но и без часов было все ясно — вокруг клуба собиралась молодежь. Я быстро проскочила мимо людей, пряча лицо, и не глядя никому в глаза.

— Мать припозднилась, — соврала я, все ещё пребывая в неоднозначных чувствах после того случая на дороге.

Только сейчас я подумала о том, что те отморозки могли вернуться в клуб и проверить, та ли я танцовщица или нет.

— Эндар, — я замешкалась, не зная, стоило ли говорить ему об этом случае.

И порешив, что лишним точно не станет, рассказала все как на духу, лишь вскользь упомянув о спасителе. Эндар напряженно потер подбородок, отпил из прозрачного стакана янтарную жидкость и произнес:

— Если сегодня их увидишь, покажи Ярику, — кивнул в сторону охранника. — Больше они тебя и пальцем не тронут.

— Спасибо, Эндар.

— Женя! — я уже повернулась и пошла прочь, когда Эндар меня окликнул.

Застыла и обернулась вопросительно взглянув на мужчину.

— А говоришь, мама припозднилась. Нехорошо обманывать.

Я лишь пожала плечами в ответ и побежала в раздевалку.

За шесть с небольшим месяцев никто из людей Эндара не попытался склонить нас с Ларисой к сексу ни намеком, ни взглядом. Единственное, что он требовал от своих подчиненных — быть честными. Это был своего рода негласный закон, который всеми чтился.

Первую неделю мы приходили в клуб с опаской и мыслями, вернемся ли домой целыми и невредимыми. Столько слухов было около личности Эндара, что иной раз возникало ощущение, что тот человек, которого мы знали, и Эндар, о котором говорили местные люди, были два совершенных разных персонажа. Но он не осматривал нас с Ларой скользким взглядом, не предлагал интима и не намекал, что данной услугой мы могли бы заработать лишние деньги. Потому как наши напарники тем промышляли. Но и были старше нас лет на семь. Мы посменно танцевали в клубе, иногда общались или слышали разговоры девочек в раздевалке. Так вот те часто обсуждали, как и с кем провели свой предыдущий вечер, а точнее ночь. Иногда

даже и имен не скрывали, в чьем обществе проводили время. А мы мотали на ус и сторонились этих людей, не задерживались и сразу после смены бежали домой.

И как тут не взяться плохим мыслям, что мать меня возненавидит, прознав о танцах в клубе? Эндару я сразу озвучила, что если он ждет, когда мы с Ларой созреем для такого рода «работы», то ничего подобного от нас не дождется и лучше пусть сразу рассчитает. На что он ответил, что это только наш выбор. Он ни к чему и никого не принуждает. А девочки, наши сменные напарницы, сами выбрали этот заработок. Я, конечно, сделала вид, что поверила ему, но все равно каждый день, приходя на работу, ждала подвоха.

Поначалу я очень стеснялась сцены, но сейчас я уже чувствовала себя на ней уверенно. И если бы не наша обоюдная поддержка с Ларой, то в одиночку мне пришлось бы несладко. Даже не представляю, откуда бы брала силы каждый вечер идти туда, где не знаешь, что тебя будет сегодня ждать.

В раздевалке я быстро переоделась, привела себя в соответствующий вид, не обращая внимания на Ларису. Она прислонилась плечом к стене и наблюдала, как я рисовала стрелки на веках. Хотя это было лишним, под маской, что скрывала наше лицо, броского макияжа почти и не было видно. Достаточно было подвести глаза и ярко покрасить губы. Все смотрели на движения и тело.

— Мы сегодня еле добрались целыми и невредимыми до дома...

Я рисовала аккуратную линию на веке. Замерла на секунду и посмотрела на Ларису.

— Что случилось? — спокойно спросила она без намека на панику.

— Какие-то уроды признали меня и начали домогаться посреди улицы, — я продолжила рисовать на другом веке линию и смолкла.

— Да ладно? — удивлённо хмыкнул Лариса. — Это что-то на грани фантастики...

— Угу, — промычала я и наконец, докрасив глаза, посмотрела пристально в зеркало — симметричными ли получились линии и, убедившись, что это было так, повернулась к Ларисе лицом, прихватив с тумбы губную помаду.

— Мишку запихнули в машину, меня едва не затащили следом. Вмешался незнакомец, — я снова вспомнила о мужчине. Как он смело и быстро помог разругить всю эту ситуацию.

— Вот уроды! — зло бросила Лариса.

— Мишка сильно испугался, лишь бы маме не проболтался, — делилась я страхами, а сама пыталась вспомнить красивое лицо спасителя.

— А что за незнакомец? — спросила Лариса, а я вспомнила взгляд его серых глаз. Хорошо все же, что пришёл на помощь, иначе дело было плохо.

— Да убежала я с Мишкой. Испугалась. Тех придурков за глаза хватило.

Я пожала плечами и шумно выдохнула. Взглянула на часы.

— Ладно. Обошлось, и слава Богу. Эндару рассказала об этих отморогах. Так что, в случае если снова объявятся, Ярик им отобьет желание связываться повторно, — довольно хмыкнула.

Снова отвернулась к зеркалу, сняла колпачок и наредила губы.

— Приятного все равно мало, — подытожила Лариса.

— Идём, — отозвалась я без настроения и направила к двери.

4 глава. Артем

Глаза болели, жутко хотелось спать. Я остановился на заправке и купил два стаканчика кофе, выпил залпом, обжег весь рот, чертыхнулся, но зато бодрости теперь — хоть отбавляй. Люблю пить горячие напитки, чтобы аж зубы сводило и губы жгло. Какая-то маниакальная привычка, но именно она зачастую и приводила в чувство. Особенно по утрам после бессонных ночей.

Забрезжил рассвет. Я присел на капот и, зевая, смотрел, как яркая полоска облагрила горизонт. Романтика. Можно было не мучиться, и не ехать на машине в такую даль, сесть в самолет и прилететь из Москвы в Волгоград за пару часов. Еще эта пробка и начавшийся ремонт дорог. С наступлением тепла дорожные службы активизировались и работали денно и нощно. Но кто об этом думал, когда вчера ночью садился за руль? Точно не я. Эта поездка и вовсе вышла спонтанной и незапланированной. У меня на очереди стоял Ярославль, но звонок Эндара внес коррективы в мое расписание, и вот теперь я встречал рассвет в родном городе с паршивым настроением и сонными красными глазами.

Утро встретило свежей прохладой, и не скажешь так, с ходу, что днем будет жарко. По крайней мере, приложение в телефоне на то указывало.

В город въехал около полудня. С учетом бессонной ночи я еще управился быстро. Снял в гостинице номер с видом на аллею в парке, принял душ и вырубился на несколько часов. Идея провести бессонную ночь за рулем — не самая умная, но дело уже было сделано.

Меня разбудил бесконечно трезвонивший телефон, мелодия проникала глубоко в сознание и вырывала из цепких лап сновидения. Навязчиво. Зажигательно. С нарастающей громкостью и плавным затуханием. И так по кругу, пока неизвестный умник не догадался сбросить звонок.

Зарывшись с головой в подушку, я вытянулся, мечтая поспать хотя бы еще пару часов. Но не судьба. Некто по новой начал истязать мой телефон. Ничего не оставалось, как подняться с кровати и ответить.

— Да, — произнес хриплым голосом не выпавшегося человека.

Звонил Арчи, мой друг, который остался в Москве и набирал на кастинг молоденьких танцовщиц для нового конкурса. Так мы и мотались с ним по очереди, выискивая сочных девушек. Некоторые отправлялись с нашей подачи в элитные клубы, раздвигали ноги по собственному желанию перед богатыми папиками и становились их подстилками. Эти самые папики отстегивали нам процент в благодарность. Занимались, по мнению Лерочки, подружки Арчи, которой я давно мечтал свернуть хрупкую шейку, аморальным бизнесом, и чистых и непорочных девушек превращали в проституток, которые продавали себя и свою любовь за деньги. А на мой взгляд, находили девушек, желающих роскошной жизни, но не имеющих другой возможности пробраться наверх. И уж принуждением и похищениями точно не занимались. Просто каждая вторая, если не первая узнавала о выгодной перспективе, кидала вещи в чемодан и отправлялась в столицу.

Ну, вот как тут не поверишь, что любовь продается и покупается? Я каждый раз лично сам видел этот ценник. Иной раз мне его озвучивали. И либо барышни были изначально бракованные, с поломанной психикой и моральными ценностями, либо мне суки встречались на пути.

А Лера, шутя, называла нас с Арчибальдом свахами, а мне, по сути, было все равно как это называлось. С учетом того, как быстро росли бизнесмены в наших кругах, и мы обрастали новыми связями, как грибы после дождя, то красивые, простые и не мажористые девочки из глубинки всегда имели спрос у мажористых, зажавшихся дядек. И все было вполне легально, по обоюдному согласию. Потому как, кроме договоренности на словах и денег на счете, не

было никаких бумаг, а значит, и проблем тоже не было. Бывало еще, и свадьбы случались, но, как правило, за редким исключением. На моей памяти такое было единожды, и это больше походило на исключение из этих самых правил.

Моральные ценности? Ну, с этим уж у меня проблем точно не было. Это не я продавал себя, свою красоту и молодость за деньги. Я просто иногда занимался подбором красивых и талантливых девушек и полагался исключительно на свой вкус. Без личной выгоды и не для плотских утех.

— Ты куда сорвался в ночь? Я приехал рано утром к тебе в квартиру, а тебя и след простыл. Телефон не отвечает. Консьержка сказала, что ты уехал ночью. У красотки какой зависаешь? — я услышал, как Арчи довольно хмыкнул.

— Почти, — о поездке говорить не хотел раньше времени. Да и что говорить-то? Можно сказать, возвращение на малую родину. Все совпало, и теперь я был там, где и должен был быть.

— Ну ладно, я думал, что случилось. Завтра с Лерой поедем в Ярославль. Ты с нами?

— Нет, — я еще вчера после звонка Эндара понял, что соскучился по родным местам, давно не был на могиле родителей.

Устал от Арчи и Леры и просто хотел побыть один. Устал не подходящее слово — заматался. И потому взял тайм-аут. Пусть без меня разбираются, ищут претенденток на конкурс, а заодно и продажных кукол. Я по горло повяз в этом, да и осточертело это мутное болото.

— Ладно. Ты не пропадай. В конце недели кастинг. Нужно новый проект запускать, а то конкуренты... сам понимаешь. Не успеем оглянуться, как соскочим с рейтинга и окажемся на самом дне. Подниматься снова будет нелегко.

— Помню, — отозвался я, прикидывая в уме, что мог дня три или четыре провести в полном одиночестве. — До связи.

Нажал на отбой и положил телефон на прикроватную тумбу. В комнате усиленно работали кондиционеры, и я поехал от холода, осматривая номер.

Завернулся в одеяло, как в оберточную упаковку, принял лежачее положение и снова заснул крепким сном. Раз уж не было никаких срочных дел, и я решил задержаться основательно, то и торопиться никуда не нужно. Отосплюсь, а там видно будет.

Когда я открыл глаза, за окном по-прежнему было светло. Но день близился к вечеру. Взглянув в окно, я увидел там красивое небо в ярких всполохах заката. Поднялся и, раздвинув шторы, вдохнул полной грудью, оглядывая небольшую аллею.

Прохожие прогуливались неторопливым шагом, мамы гуляли с малышами, на лавочках сидели парочки и умиротворенно вели беседы. Так посмотреть — не жизнь, а сказочный и беззаботный рай. Стоит лишь немного повернуть голову, а там уже была обратная сторона — пробка из транспортных средств, бегущие, торопящиеся люди на светофорах и жизнь, которая была не такой размеренной и тихой, как в парке. Примерно так я себя сейчас и ощущал, словно вылез из машины, оставив ее стоять в пробке, а сам побрел в тихий парк.

Распутался из одеяла, выключил кондиционер, открыл окно, и направился в душ, смыть с себя остатки усталости и сна. Хотелось просто прокатиться по городу, по знакомым улицам, вернуться хоть на минуту туда, где провел свое беззаботное детство, где пахло вкусной домашней выпечкой, сиренью и цветущими абрикосами.

Часы показывали начало седьмого, какое-то время я стоял у окна, рассеяно потирал глаза и думал о том, где бы поужинать. В мечтах было заглянуть в некогда любимое кафе, где мы собирались с родителями по выходным. Впервые за долгое время я ощутил внутренний подъем, и чувство ностальгии окончательно накрыло меня с головой. Сегодня же прогуляюсь по любимым местам, а позже вечером заеду в клуб к Эндару — близкому другу моего отца.

Вот уже пять лет, как я ходил сиротой. Родители погибли, и я похоронил их в Волгограде, а сам окончательно перебрался в Москву. Других родственников у меня не было, и ничто меня здесь больше не задерживало.

Почти два года я не приезжал в этот город, будто хотел стереть этим воспоминания о тех ужасных днях. Но звонок Эндара растормошил, всколыхнул старые раны, и я понял, что соскучился по родителям. Уже миллион раз я пожалел, что продал их дом. Но тогда, в порыве отчаяния и безутешного горя, мне казалось, что если так сильно болит и нарывает, то стоит как можно скорее отрезать этот кусок от сердца, станет немного легче. Наивный дурак. Другого слова и не подобрать. Но, видимо, свыше так изначально рассчитано, чтобы человек сам создавал себе проблемы и сам же находил способ их решать.

Вышел из номера в прекрасном расположении духа. Давно со мной такого не было. Либо я истосковался по родным местам, либо так на меня действовала свобода, мнимая и хрупкая, и так было приятно остаться наедине с собой и своими мыслями, будто встретил старого знакомого.

В животе урчало, и любой маломальский ароматный и аппетитный запах еды вызывал спазм в желудке, и слюна капала изо рта. Поэтому прогулку по городу я решил оставить на потом и напрямик ехать в кафе. А иначе подбегу к первому киоску, где кричащая, яркая вывеска буквально зазывала купить вкусную и сочную шаурму; одно это слово доводило до обморочного состояния и экстаза, и не удержавшись я наемся прямо на улице. А почему бы нет? Так сильно хотелось есть, что эта спонтанная мысль вызвала восторг, и я, порывшись в карманах джинсов, выудил на свет скомканные денежные купюры. В век электронных платежей и пластиковых карт у меня почти не имелось обычной наличности. Нужно будет добратсья до ближайшего банкомата и снять денег. На всякий случай.

Утолив голод и получив от этого такой кайф, какой я, наверное, испытывал лишь в студенческие годы, когда с парнями, голодные после пар, оккупировали маленький киоск и объедались такой вот незамысловатой пищей, а после возвращались домой и наедались еще и там. Юность начисто была лишена каких-то временных рамок и ограничений, казалось, что вся жизнь впереди, и ты никогда не встретишься с дерьмом и не узнаешь, как это — остаться одному. Иметь все в плане материальных благ, а внутри при этом ощущать бездонную пропасть и непроглядную темноту.

Прогулялся немного по улицам, сливаясь с шумным городом, и вернувшись к гостинице, напрямик направился к автомобилю. Нажал на кнопку на брелке, и машина мигнула мне в ответ фарами, словно приглашая сесть и прокатиться. Что, собственно, я и собирался сделать — отправиться в район, где когда-то жил. Посмотреть на наш старый дом.

Ехал тихо и размеренно, никуда не торопился и получал от этого удовольствие. На красном свете светофора я машинально затормозил, барабанил пальцами по рулю в такт мелодии, что лилась из колонок. В поле зрения попала машина, стоявшая чуть поодаль, но аккуратно вмещавшаяся в небольшой поворот на перекрёстке. И я уже собрался отвернуться, но внимание привлекла жуткая картинка: молодой мужчина, с виду прилично одетый, силой пытался затащить девушку в машину. Темноволосая вырывалась, упиралась ногами в асфальт, сильно жестикулировала и что-то кричала. Отморозок, похоже, находился в хмельном угаре, потому как совершать такую дичь посреди белого дня, да еще и на виду у людей, нормальный и адекватный человек явно не стал бы.

Посмотрев по сторонам, я не заметил рядом ни одного человека. И никаких машин, кроме моей, поблизости тоже не находилось. Ну не мог я смотреть на подобную несправедливость. Резко сорвавшись с места, взвизгнув шинами, я через минуту оказался рядом. Выскочил на улицу и заметил, что в машине сидел мальчонка, сложно сказать вот так, с лёту, скольких лет. Мальчик истошно стучал по стеклам и звал какого-то Женю на помощь. Или какую-то. Девушка рьяно отпиралась от настойчивых мужских рук и решительно рвалась к ребенку. Родственная связь между ними была налицо, и я понял, что Женя, которого постоянно звал малец — это его мать. На ходу запоминая госномер автомобиля, я достал телефон, набирая полицию. Обдолбанный отморозок, услышав, что я вызвал ментов, выкинул мальчишку из машины. Тот

прочесал коленками добрые полметра, стесав ноги в кровь. Хрупкая брюнетка бросившись к мальчику, прижала к себе сына. В её глазах отражалось столько боли и испуга. Она с нежностью и заботой, любовью и участием стирала длинными пальцами слезы с детского лица, пухлыми губами прижималась к щекам мальчика, гладила по волосам и тихим голосом успокаивала его. Девушка, наконец, перевела на меня взгляд, а я вдруг ощутил, как лечу в пропасть, утопая в бесконечной синеве этих глаз, полных искренности, неподдельной заботы и благодарности.

Темноволосая бессвязно бормотала слова благодарности, а я вконец обескураженный накатом ее чувств, тем, как нежно она прижимала ребенка к груди, как испуганно смотрела на меня, когда сбегала, словно боялась, что и я мог нанести им обоим какой-то вред, думал, как я, черт возьми, одинок в этой жизни. Нищ на такие вот чувства, и никому-то в итоге не нужен. Жил и купался в роскоши, а внутри не было тепла, не было того, с кем можно было им поделиться, рассказать, как паршиво на душе и как одиноко.

Дождавшись полицию, я сообщил органам правопорядка номер, который запомнил. Чтобы тем отморозкам неповадно было напиваться и приставать к незнакомым и благопристойным девушкам посреди улицы. Особенно девушкам с маленькими детьми. Таких моральных выродков, кто причиняет боль и страдание детям и женщинам, на кол нужно сажать.

На остаток вечера был наложен отпечаток этой внезапной встречи. И я ничего более не придумал, как позвонить Эндару и направиться в его клуб, чтобы увидеться с ним лично. Каждый год накануне смерти родителей он звонил мне и просил приехать. На протяжении двух лет я придумывал отговорки и не приезжал. И теперь ощущал горечь и стыд перед теми, кого уже давно не было. Внутри остались лишь светлая память и море боли, которое невозможно было переплыть до конца моих дней.

5 глава. Артем

Яркие огни, громкая музыка, алкоголь, красивые девчонки и вся сопутствующая мишура были для меня привычным миром. Клубы не воспринимались, как увеселительные заведения, где можно было расслабиться, оттянуться на полную катушку. Давно это уже стало своего рода рабочим местом, где я, естественно, не отдыхал. Но и не сказать, чтобы работал: вел ночной образ жизни, как оборотень, выискивая среди танцующей молодежи очередные «жертвы» для кастинга.

Но сегодня все было иначе. Или с сегодняшнего дня? Внутри будто внезапно образовалась выжженная пустыня, на легкие и сердце опадали серые хлопья пепла, мешая сделать полноценный вдох. Я вдруг понял, что танцы и конкурсы — это не мое и больше меня не вдохновляет.

Подъехав к клубу с яркой зазывающей вывеской, я не торопился выходить из машины, осматривая знакомое место. Ничего не изменилось. Все также ветер колыбал листья на деревьях, что росли позади здания, высотки стояли поблизости, и молодежи было кругом тьма. Они курили, громко смеялись. Когда-то и я был среди этих ребят. Так это было давно, что и не вспомнить ни лиц тех знакомых, ни разговоров, лишь ощущения остались — голый и чистый адреналин, предвкушение праздника и постоянной неизвестности.

Оставив машину на парковке, я бодрым шагом направился внутрь. Время близилось к полуночи. Где я катался почти три с лишним часа — сам не знаю. Колесил по городу, заехал в кафе поужинать, немного побродил по центру и вот теперь прибился к обычной среде.

Грузный охранник встретил меня у входа и проводил к Эндару. В кабинете была хорошая звукоизоляция, а я пожалел, что не было двойных стекол, и за танцующей толпой нельзя было наблюдать из этого импровизированного укрытия. Здесь было уютно, приятный перламутровый свет плавно переходил в голубой, затем зеленый, подсветка чем-то напоминала цвета радуги, которые сменялись друг за другом. Музыка, что оглушала в зале, здесь была слышна, как тихий говор давних подружек, которые делились секретами на ушко друг другу.

Эндар — крупный, статный мужчина с русскими корнями, но таким необычным именем, поднялся с кресла и вышел из-за стола, протягивая мне руку.

— Рад тебя видеть.

Я кивнул в ответ и пожал крепкую руку.

Эндар слабо улыбнулся, а я вконец стушевался. Так соскучился по отцу, ведь на его месте мог бы быть сейчас он. Отец, правда, был старше Эндара лет на семь, но суть от этого мало менялась.

— Садись, — Эндар указал глазами на кожаный диван у стены. — Выпьешь?

— Я за рулем, — хоть это в принципе никогда не останавливало меня от пары бокалов спиртного.

Но сегодня был не тот случай, когда мне хотелось пить. Перегар тех отморозков, что напали на девушку, еще стоял в носу, и мне было противно мысль стать таким же, как и они. Ведь пару часов назад сам звонил в полицию и сдавал уродов, а теперь, получается, сам собирався набраться? Нет уж.

— Похвально, — поджал губы Эндар, рассматривая меня внимательным взглядом. — Возмужал.

— Да ладно, — отмахнулся я и сел на диван, раскинув руки в стороны. — Не виделись-то всего пару лет.

— Приезжай завтра к нам на дачу, на Марину с пацанами посмотришь, шашлыка пожарим, родителей помянем? — предложил Эндар.

А у меня от последних слов сердце снова сжалось, и я ощутил кожей холодную воду, как будто гребу руками, силясь переплыть это огромное море боли. Вдруг я окажусь тем самым первопроходцем, у которого получится его переплыть?

— Заеду, — пообещал. — Во второй половине дня.

На первую я запланировал навестить родителей, убраться на их могиле и просто побыть немного одному.

Когда пять лет назад мне позвонили по телефону и сообщили, что родители разбились на машине, земля ушла из-под ног, и я не сразу вернулся к реальности. Ощущал бессилие и беспомощность, словно вмиг стал бездомным котенком, которому перешибли лапы или выбросили в окно с девятого этажа.

— Я ремонт сделал, — Эндар обвел глазами кабинет, — и танцпол облагородил по твоей, кстати, схеме. Так намного презентабельнее, — похвалился Эндар. — Что в Москве? Танцы совсем забросил?

— Совсем, — утвердительно покачал головой. — Какой уж из меня танцор, третий десяток уже разменял, — ухмыльнулся я.

— Ну, а кастинг так и набираешь? — поинтересовался Эндар.

— Да, с Арчи в упряжке работаем. Тянем конкурс. За счет него и живем.

— Ну, видишь, недаром столько лет вкалывал, — Эндар имел ввиду мою бурную молодость, кубки и медали.

Я занимался профессионально танцами и вполне мог позволить себе открыть школу для одаренных детей, стать тренером и жить тихой и размеренной жизнью. Но загвоздка была в том, что общение с детьми у меня не складывалось, о своих я и подавно не думал. А вот таскаться по московским клубам, иногда по провинциальным городам и выискивать более или менее талантливых людей, устраивало меня полностью. О школе я тоже уже давно задумывался. Но не с такими ветренными партнерами, как Арчи и Лера, и не в ближайшие пять лет. Возможно, после сорока. Стоило подготавливать почву под пенсию. Хотя и до статуса старика мне было еще о-го-го как далеко. Но пока открою, наберу персонал, постигну весь дзен новой профессии...

— У меня, кстати, там — на подиуме, две девчонки зажигают, посмотришь на них, скажешь, есть ли толк или зря плачу им деньги?

— Где ты их только находишь? — ухмыльнулся я.

А сам вспомнил, что в прошлый раз с подачи Эндара я отлично сдружился с одним спонсором, который пригреб «скромную» девочку из провинции. Та кстати, сейчас была уже в свободном плавании, но поднялась хорошо. Про танцы забыла, бизнес маленький завела. А говорила, что не такая, и любовь ее не продается. Ценник подходящий просто искала?

— Сами приходят, — мы прекрасно понимали, о ком говорили.

О той самой Регине, что Эндар притащил танцевать в клуб с улицы. Девушка быстро разобралась, что к чему, и когда я предложил ей перспективу и щедрого жениха, укатила в столицу при первой же возможности. Это с виду девчонки прикрывались благими побуждениями — институт, учеба, работа, помощь родителям, а на деле, чуяли запах денег перед носом, и у них сносило крышу, ноги сами раздвигались в стороны. Столько насмотрелся на это, что уже и самому делалось иногда противно. Но по большей степени выработался иммунитет — внимания не обращал. Смотрел на девчонок и думал о своей выгоде. Не больше.

Не знаю, зачем и почему, но я вспомнил о встрече с незнакомкой и ее маленьким сынишкой. Неужели ее мужу было наплевать на них, и он не мог хотя бы выйти навстречу? А может быть, она и вовсе была одна? Выглядела такой хрупкой, молоденькой, и лишь лихорадочный блеск в глазах говорил о том, что внутри нее бушевало пламя. Вспомнил, с каким трепетом она прижимала мальчика к груди, и поймал себя на мысли, что такая бы не продавалась. И уж наверняка и думать не думала, как Регина, на какой член выгоднее сесть, чтобы больше не

работать и жить в достатке. Хотя откуда мне было знать, о чем она думала? Может, у нее такая безнадега в жизни была, что она продалась бы первому встречному за копейки? Но просто мне хотелось верить в то, что придумал сам. Где-то внутри меня все же жил еще романтик, верящий в любовь и светлые чувства. Но только, чем дальше тикали года, там глубже он прятался и не хотел выбираться наружу.

— Чем Москва дышит? — Эндар потянулся за пачкой сигарет.

— Тем же хмельным угаром, что и здесь. Молодежь ищет места, где расслабиться и отдохнуть. Когда подъехал к клубу, поймал себя на мысли, что толком ничего и не поменялось.

— А что должно поменяться? — удивился Эндар. — Все идет по кругу. И на смену нам приходит такая же безбашенная молодежь, какой мы себя считали в их годы.

— Устал я от этого всего. Пресытился. Потому и приехал. Отдохнуть хочу. Надоела Москва и ее ритм.

— Отдохнешь, — Эндар затянулся. — Ты где, кстати, остановился? А то давай к нам с Мариной на дачу? Пацаны тебя сто лет не видели. Обрадуются.

— Нет, спасибо, — я покачал головой. — В гости заеду, а жить буду в отеле.

— Ну и то правильно, может девчонку какую снимешь сегодня, — Эндар беззаботно рассмеялся. — Забудешься и расслабишься.

— Может, — спорить не стал.

Но и углубляться в эту тему тоже.

— Что, кстати, на личном? — а вот Эндар был другого мнения и решил копнуть глубже.

— Ну, когда Марину клонируешь, тогда и подумаю, — на полном серьезе ответил я.

Такую жену, какую отхватил себе Эндар, было еще поискать. Столько всего они прошли вместе, хоть и моложе она была его лет на десять, не меньше. Родила двух мальчишек, пережила ранение Эндара, выходила его, подняла на ноги. В девяностые его неслабо зацепило. Все вытянули, однако. И были рядом. И любили друг друга. Как и мои родители. Ради таких чувств можно было и в огонь, и в воду.

— Ну, не получились у нас девочки, а то старшенькая как раз была бы тебе невестой, — Эндар рассмеялся в голос.

— Да я ей в отцы бы сгодился. Невеста, — хмыкнул я.

— Тогда мне Марина, по-твоему, тоже в дочери годна?

— Ну, сравнил.

— Вот завтра Кирилла увидишь, моего старшего, и поймешь, как заблуждался. Такой мужичок уже вымахал! Боксом хочет профессионально заниматься. А Марина меня изводит, переживает, что ему голову отобьют и калеккой сделают. Просит повлиять на него. А я что? — Эндар дернул плечом. — Так это одно, а младший Руслан пошел по его стопам и тоже говорит, хочу только боксом заниматься. Беззаботность и покой мне лишь снятся. Тоже переживаю. Между сыновьями и Мариной сложно выбирать, и никто уступать друг другу не хочет.

— И ты говоришь, чтобы я подумал о семье? Не готов я к этому-у-у, — протянул я. — В себе пока еще не разобрался, а в душу другого человека лезть и подавно не хочу.

Это казалось какой-то противоестественной вещью — любить кого-то другого, заботиться о нем и желать вместе с ним жить. И с каждым годом я лишь глубже утверждался в этих мыслях. То ли смотрел сквозь призму продажных девчонок, прыгающих в постель и раздвигающих ноги по первому зову. Да, кстати, и девственниц я тоже обходил семимильными шагами — те вызвали стойкое отвращение своей сохраненной честью и достоинством. Как показывала практика, это не значило ровным счетом ничего.

— Ладно, — Эндар махнул рукой в мою сторону, мол, с меня, как с гуся вода. — Придет еще все. Какие твои годы. Пойдем, покажу ремонт. Я еще в двух помещениях собираюсь его делать, может, подскажешь что.

— Пойдем, — согласился я и поднялся с дивана.

Мы вышли из кабинета, и тут же до слуха донеслись громкие ритмичные басы. Я поморщился — так сегодня хотелось обойтись без всего этого.

Идя по узкому коридору, поймал себя на новом ощущении, что клубы потихоньку начали вызывать у меня брезгливость, а мысль об открытии собственной школы, которую озвучил Эндар, мелькала в голове чаще обычного.

Внутри помещения было по-своему атмосферно, переливающийся свет рябил в глазах. Парни и девушки сновали туда-сюда, кто-то зажигал на танцполе. Эндар коснулся моего локтя, и я посмотрел на него. Он кивал на подиум, на котором расположился ди-джей, а по обе стороны от него на импровизированной сцене извивались два сочных тела, наряженных в облегающую одежду. Если этим лоскуткам можно было дать подобное определение.

Мы приблизились, и я поочередно смотрел то на одну девушку, то на другую.

— Так задумано? — лица девушек были скрыты черными ажурными масками.

— Сами придумали, — ответил Эндар, перекрикивая басы. — А мне чисто по барабану, народу нравится.

Рядом с динамиками было невозможно стоять, душа сотряслась от таких децибелов, и в голове, будто звонили колокола. Как они там танцевали несколько часов подряд? Может, чуть выше не было таких звуковых волн? Я же сразу ощутил дурноту и, отойдя к барной стойке, присел на высокий стул. Издалека и наблюдать за девчонками было интереснее. Должен признать, они неплохо вписались в образы с этими масками.

Я осматривал сцену и широкие помосты.

— А представляешь, если сделать над потолком небольшую клетку и посадить их туда вдвоем?

В глазах Эндара зажегся огонь, и он перевел озадаченный взгляд к потолку.

Тем временем я не сводил взгляда с девушки, которая танцевала по правую сторону от ди-джея. Было в ее образе что-то смутно знакомое. А может меня привлекли ее плавные и в то же время точные движения, гибкость тела? Однозначно в ней что-то было. Какой-то магнетизм. Может быть, из нее и выйдет толк, если позанимается с профессионалами.

— Хорошая идея, — Эндар вернулся из раздумий. — Что скажешь? — кивнул в сторону ди-джея и девушек.

— Неплохо. Та, что справа — можно попробовать. Кто такая?

— Женя. Боевая девица. Матери помогает, мальчонку таскает за собой везде. Мечтает, кстати, в столицу уехать и выбраться из этой нищей ямы. Да и Лариса тоже не против, напарница ее.

— Отлично! — я сразу прикинул в уме, куда бы мог пристроить девчонку после кастинга и что с того поиметь.

Естественно, если она не откажется. А такие не отказывались. На моей памяти еще ни разу. На той, которая сказала бы нет запредельному ценнику, женился бы сразу и глазом не моргнул. Но пока такой не встречал.

— Давай только не сегодня. Через пару дней, как раз собираюсь домой и устроишь нам встречу. Прощупаю, что к чему. Захочет, оплачу ей проезд, приедет в Москву. Нет, пусть танцует у тебя, зарабатывает свои кровные. Ты им сколько, кстати, платишь? — я снова кивнул в сторону девчонок.

— Да совсем символически. Они студентки. Маски на лицах, потому что не хотят, чтобы их узнали. Говорю же — сами придумали, а мне чисто по барабану главное, что народу нравится, — повторил Эндар, а я ухмыльнулся.

— Ну и договорились.

Я снова взглянул на девушек — из той, что была по правую сторону выйдет толк. Определено выйдет. Не зря приехал. И свою выгоду поимею.

6 глава. Евгения

Мне нравилась моя работа. Я была увлечена танцами. Крутиться рядом с красавчиком ди-джем под зажигательный ритм его пластинок, да ещё и получать за это деньги... Естественно, это не предел моих желаний, но половина одноклассниц, узнав о таком заработке и времяпровождении, точно бы загорелись оказаться на моем месте. Кто-то подпевал в ресторанах и кафе, другие обладали харизмой и подвешенным языком, вели праздники, утренники, свадьбы, я же много тренировалась и хорошо умела владеть своим телом. Почему же не использовать это?

Мы думали с Ларисой о том, чтобы на лето выйти на какого-нибудь ведущего праздников и попроситься в его команду — подрабатывать подтанцовкой. Но я не была уверена, что там так же стабильно будут платить мои кровные пятнадцать тысяч, семь из которых я отдавала матери, остальные же бережно складывала в копилку. Редко нам перепали премии. Но с осени мне удалось накопить пятьдесят тысяч рублей. Я готовилась к поступлению в институт и переезду. По моим подсчетам мне не хватало ровно половины суммы, чтобы продержаться на плаву первый месяц. Я собиралась сама оплатить учебный год — о бюджетном месте на заочном отделении оставалась лишь мечтать. Поэтому я и держалась за этот клуб. Больше таких денег без стажа и какого-либо опыта, да еще при таком гибком, подходящем мне графике, было не найти.

Смену мы оттанцевали, как всегда, отлично. Работали не каждый день, два или три раза в неделю нас сменяли другие танцовщицы. Девушки работали в другом клубе Эндара, мы с ними почти не пересекались.

Яркие прожектора светили прямо в лицо и ничего кроме импровизированной сцены и людей, что находились от нее в радиусе двух-трех метров, было невозможно рассмотреть. Да я никогда этим и не занималась. Когда люди расходились из зала, Эндар распоряжался, чтобы нас развозили домой. Это был еще один плюс к характеристике этого загадочного человека, о котором все говорили очень плохо, а к нам он относился вполне хорошо. До самого дома нас не подвозили, лишь до ближайшей остановки, я не хотела, чтобы соседи видели, как меня практически каждую ночь кто-то подбрасывал домой на шикарной тачке. Пока осечек не случалось, за исключением сегодняшнего недоразумения на дороге. Я вела себя очень осторожно и неприметно, в целях сохранности нервов матери. Ее точно хватит удар, когда она узнает, откуда я возвращалась.

Ранним утром ко мне в комнату влетел Миша и забрался ко мне на кровать.

— Вставай, Женя! — позвал меня брат.

Я взглянула на часы, что стояли на тумбочке рядом с кроватью. Те показывали десять утра. «Два часа ждал и терпел, чтобы не ворваться ко мне в комнату», — отметила я, глядя на братца.

— Как коленки? — привстала и поцеловала в его светлые волосики на голове.

От него по-прежнему приятно пахло тем самым младенческим запахом и молоком.

— Хорошо! Почти не болят. Мама кашу манную сварила! Будешь? — а улыбка еще шире расплзлась.

Налопался каши молочной, вот и пах теперь аппетитно. Как же немного нужно было для счастья этому маленькому человеку! Чтобы Женя была рядом, и мама с утра кашу сварила. И не абы какую, а именно манную.

— Буду! — отозвалась, вытаскивая из-под головы подушку. Пульнула ею в Мишку.

Он взвизгнул и принялся заливисто смеяться, ожидая продолжения. Но я знала, что мать сегодня тоже выходная и терпеть не могла, когда мы шумели. Потому встала с кровати, игнорируя Мишкины заигрывания, и прошлепала босыми ногами на кухню.

— Встала? — мать снова была без настроения.

Хотя, о чем это я? Не помню уже, как выглядела ее улыбка. Нашла горе великое, убиваться по предателю. Внутри, пока еще совсем тихо, но я начинала ее осуждать за то, что она так убивалась по этому человеку. Он, в отличие от нее, жил вполне счастливо и точно ни о чем не горевал, и о нас с Мишей не вспоминал, не говоря уже о ней. Но читать проповеди и морали не собиралась. Мне еще с Мишкой нужно было сегодня позаниматься. В этом году ему уже будет пять, а он и букв-то толком всех еще не знал, а интерес проявлял недюжий. Матери все равно некогда с ним было этим заниматься. А мне нравилось проводить время с братом и Лариской.

— Встала, — сухо отозвалась я.

— Ну и хорошо. Меня сегодня на работу вызвали, Таня приболела, нужно подменить.

Наверное, все же мать хмурилась по этому поводу. А не из-за отца. Я бы тоже была не прочь провести полноценный выходной дома, а не торчать на парах или работать.

— Буду сегодня поздно. Хозяйство снова на тебе. За Мишкой лучше следи. Ничего внятного не ответил, где так колени содрал, — недовольно говорила мать.

Мне было жалко ее. Чисто по-женски и по-человечески. Но иной раз мне казалось, что когда я выросла, то перестала считаться ребенком в ее глазах. А ведь иной раз мне так же, как и Мише требовалась поддержка и участие. А я была предоставлена сама себе, так и еще и Мишку тянула. Не в финансовом плане, но... чувствовала себя заброшенной. Вот уже лет как пять. С этого же времени и пошел отсчет моей новой взрослой жизни, где я сама принимала решения и советовалась тоже сама с собой.

— Тебе хоть заплатят? — спросила я.

— Да, — с воодушевлением ответил мама. — Хоть заплатят, — выдохнула и как-то странно на меня посмотрела. — Вы бы сходили с Мишей на могилку к бабушке. Сегодня два года как ее нет. Может там прибраться нужно? Я тогда на днях возьму отгул и приберусь, пока вы с Мишей дома посидите.

— Сходим, конечно, — пожала плечами.

Бабушка последние два года перед смертью жила с нами. Однажды утром она просто не проснулась. Умерла во сне. Врачи диагностировали инфаркт. Хотя она могла бы еще жить и жить, но никто не знал, сколько было отведено каждому из нас.

— Ну и хорошо. На плите стоит каша, и обед я тоже уже приготовила. За Мишей смотри, прошу тебя, — последние слова меня задел.

Уж я-то, как никто другой, глаз с него не спускала и пылинки сдувала ежеминутно.

— Все, я побежала, — мама сняла фартук, поцеловала Мишу, подмигнула мне и вышла из дома.

— Жень, а когда бабушка приедет? — вдруг спросил Мишка.

— Что? — не поняла я, витая в других мыслях и не улавливая смысла в Мишиных словах.

Я позабыла о том, что, когда бабушка умерла, а Мише тогда было три года, сказала брату, что она поехала к кому-то в гости и скоро приедет. Потому что не знала, как объяснить маленькому мальчику, что значит смерть. И как это — сегодня ты есть, а завтра тебя уже не будет. Боялась, что он сильно напугается. И вот, видимо, наступил момент, когда нужно ему объяснить, что люди умирают и их хоронят на кладбище.

— Миша, она не приедет, — я посмотрела в глаза брата.

Шестеренки в его голове усиленно заработали, он замолк на какое-то время, о чем-то напряженно думая, а я ждала следующего вопроса. Самой было отчасти интересно, что было в этой маленькой головушке.

— А почему? — искренне удивился он.

Не хотелось именно сейчас и сегодня затрагивать эту тему, но Миша уже взрослый — должен был меня понять.

— Потому что бабушка умерла. Ты был маленьким, и я сказала, что она уехала, потому что не знала, как тебе это объяснить.

— А я тоже умру? — о таких вещах не то, что говорить, страшно даже думать.

— И я умру. И мама. Но не сегодня. И не завтра. В глубокой, глубокой старости. И этого не нужно бояться, потому как никто не знает, сколько ему суждено прожить.

— А что такое суждено?

Иногда мой мозг готов был взорваться от всех этих вопросов. Я не знала, правильно ли разговариваю с ребенком, делала это, по большей степени, на интуитивном уровне.

— То есть отмерено. Каждый человек рождается с определенной миссией и судьбой. Никто не знает, когда умрет. Но смерти бояться не нужно, — мне хотелось рвать волосы на голове.

Озадаченность на лице Мише стала ярко выраженной, его глаза бегали по моему лицу, и я предвидела поток вопросов, который он собирался мне задать.

— Женя, я не хочу умирать... — тоненький голосок дрогнул.

А я, наконец, поняла, что нужно было уходить от этой темы. Не хватало, чтобы Мишка начал теперь спрашивать меня каждый день, бегая хвостиком: «А я не умру?».

— Ты и не умрешь. Разве я тебе позволю? Вон как я тебя люблю! А когда так сильно любят, человек не может умереть.

— Правда?

— Правда, — ах, если бы это было так!

Но я не считала, что обманываю ребенка. Просто немного преувеличивала. Ведь пока в нас живет память о человеке и теплые чувства — он жив. Жив и обитает в нашем сердце.

Я поднялась со стула, налила в стакан воды, осушила его залпом и поставила обратно на стол. Наложила кашу в тарелку, чтобы остывала. Не любила есть горячую еду. А сама пошла умываться, надеясь, что Мишкин допрос окончен.

Не самое удачное время мы выбрали для прогулок и посещения могилки бабушки — духота стояла невыносимая, благо хоть солнце скрывали тучи. Я позвонила Ларе и предложила прогуляться вместе с нами. Но она была занята или просто собиралась отлеживаться весь день. Я бы тоже была не прочь принять горизонтальное положение или выпить какого-либо энергетика, чтобы немного взбодриться. Мишка всю дорогу молчал и держался за мою руку. А я, словно запыхавшаяся собака, шла вперед, для пущей схожести оставалось только свесить язык.

— Мороженое хочешь? — спросила я у брата, на что тот энергично закивал головой.

Только сейчас я вспомнила, что оставила кошелек с деньгами дома, но мелочи в карманах насобирала на одну порцию. Как раз перед кладбищем стоял небольшой продуктовый магазин. Будет чем занять и одновременно отвлечь ребёнка, пока по-быстрому проведем бабулю.

Мы уверенно зашли с Мишей в помещение, в котором работал кондиционер. Я вдохнула поток прохлады и, вывалив мелочь на прилавок, попросила мороженое.

— Сколько сынку? — я на мгновение застопорилась на месте, не сразу сообразила, что продавщица обращалась ко мне.

«Приняла Мишу за сына? Неужели я так плохо выглядела?» — пронеслось в голове, когда я смотрела в умиленное лицо женщины, а та не сводила сияющих глаз с моего брата, пока Мишка радовался, что сестра купила ему мороженое.

— Пять, и... — но сказать, что это брат просто не успела.

Продавщица сама перебила:

— Не хватает десяти рублей.

Я принялась лихорадочно рыться в карманах.

Может и затерялось где несколько монет.

— Возьмите, — послышался голос чуть позади.

Сначала я увидела мужскую руку, а потом уже и самого мужчину. И нервно сглотнула не в силах отвести от него взгляда.

— И бутылку воды.

Я смотрела в серые глаза, не в состоянии пошевелиться. Так неожиданно было увидеть того самого человека, который спас нас вчера с Мишей.

— Две бутылки, — уточнил мужчина.

А мне снова захотелось сказать скромное «спасибо» и бежать от этого человека, куда подальше. Странное ощущение, которое вчера заставило меня уйти, снова вернулось. Я ощутила, как сжалась под пристальным взглядом незнакомца и ничего лучше не придумала как снова сбежать. Тихо поблагодарила и, схватив мороженое и Мишу, вышла на улицу.

Вот уж точно, стоило все утро проговорить про судьбу, и вот она в лице этого мужчины, настигла меня в самый непредсказуемый момент. И неподходящий.

Миша, кажется, не признал вчерашнего спасителя или настолько был поглощен мороженым, что не заметил этого факта. Но тем лучше. Быстрым шагом мы скрылись за воротами кладбища, и я немного перевела дух. Уж здесь-то мы наверняка не пересечемся.

В совсем маленьком возрасте я недоумевала, как родители ориентировались в одноликих улочках и находили нужные могилки, в которых лежали наши родные. Сейчас я понимала, что это приходило с возрастом.

— Жень? — Миша дернул меня за руку, и я замедлила темп. — Будешь? — он протянул мне лакомство.

— Нет, Миша, — улыбнулась брату. — Сейчас посмотрим, как тут бабуля, и домой пойдём. Душно очень.

А сама думала о том мужчине и внезапной встрече.

— Постой! — услышала я твёрдый и решительный голос у себя за спиной.

Даже не оборачиваясь, знала, кто это был. В третий раз будет глупо сбежать, и придётся перекинуться парой фраз.

7 глава. Евгения

— Ты бегаешь от меня? — в голосе послышались ироничные нотки, и я, вдохнув полной грудью, повернулась лицом к мужчине.

От незнакомца исходила приятная аура уверенности и спокойствия. Он с интересом окинул меня взглядом, задерживая глаза на наших сплетенных с Мишей руках.

Совсем растерявшись, я сморозила несусветную глупость:

— Вы за нами следите?

Уголки чувственных, пухлых губ расплзлись в кривой усмешке.

— Я похож на сталкера?

Мишка дернул меня за руку и спросил:

— Кто такой сталер?

Я тоже не смогла сдержать улыбки. Опустила голову, ловя заинтересованный взгляд брата.

— Сталкер, — поправила я, — человек, который увлечен поиском, — пояснила коротко, чтобы не нагружать Мишин мозг ненужной информацией.

— У вас здесь кто-то из родственников? — спросил мужчина, приближаясь.

Я стояла на месте не в силах пошевелиться и ощущала себя так, будто была зажата в давке.

— Так-то не самое удачное место для прогулок с ребенком, — заметил незнакомец.

— Да, бабушка, — пролепетал Мишка и был само очарование, облизывал мороженое, ведя себя непосредственно и беззаботно, в отличие от меня.

Отсыпал бы мне хоть немного уверенности, что ли.

— У меня родители здесь, — глубже вздохнул незнакомец. — Сегодня годовщина, — провел рукой по подбородку, а сам все время смотрел в глаза.

И теперь я понимала, почему так легко было давать отпор сверстникам и тем недоумкам, что, бывало, приставали в клубе — все они не вызывали абсолютно никаких чувств и были мне безразличны. И мне не хотелось им понравиться. Пожалевав, что, выходя из дома, не подкрасила ресницы или хотя бы губы, я потупила взгляд и, сжав ладошку Миши, собиралась снова скрыться бегством. Откуда взялось это странное нелепое чувство бежать от него, сломя голову?

— Сочувствую, — голос совсем был не похож на мой, какой-то писклявый, дрожащий, как у мыши. И сама я на нее походила с этим облезлым хвостом и помятым видом.

— Вы торопитесь? — мне казалось, он рассматривал меня и видел все эти недостатки.

И конечно, он заметил, как я нервничала.

— Нет. Мы свободны, — не к месту и не ко времени вмешался Мишка.

Или, наоборот, очень вовремя. Но в кои-то веки я была благодарна его длинному языку.

— На улице жарко, — слабо улыбнулась, словно извиняясь, — спасибо вам большое за помощь, за... — посмотрела на Мишу и мороженое. — Спасибо за все.

— Удивительно, правда, в городе как минимум десять кладбищ, а мы снова с вами встретились.

«Да уж, романтика», — съязвила я про себя, но озвучивать не стала.

— Артем, — мужчина прищурился, на его лбу при этом образовалась небольшая складка, которая делала его только привлекательнее. И протянул мне ладонь.

Я удивленно посмотрела на его руку, ловя себя на мысли, что Артем, в отличие меня, никуда не торопился, не пытался сбежать, а даже принимал попытки познакомиться и поговорить.

— Женя, — никогда еще не чувствовала внутри столько смущения. — А это Миша, — кивнула в сторону брата.

Тот весь уляпался мороженым, и увидев пятна на его лице и на одежде, я закатила глаза.
— Как колени, парень? — бодро спросил Артем.

Миша смущенно уставился на нашего нового знакомого, а потом догадка озарила его лицо, он даже оторвался от мороженого и раскрыл рот.

— Это вы? Да? Вчера спасли нас от тех ужасных дядь? — наивным голосом спросил он.

— Я, — улыбнулся Артем.

— А, хорошо! — махнул свободной рукой в сторону колен. — Что с ними будет, намазали зеленкой, — выпятил одну из ног, демонстрируя, — даже не щипало, — гордо заявил брат.

Артем с интересом на меня посмотрел, а мне так захотелось узнать, о чем он подумал, что вызвало улыбку и умиления на его лице.

— Герой, — похвалил братишку Артем, а я прониклась к нему уважением за то, что так подбадривал Мишу. И вчера, и сегодня хвалил моего любимого брата. Это так много для меня значило.

На вид Артем выглядел молодо, но морщинки возле глаз и сам взгляд говорили о том, что он близок к тридцати, если не перевалил за этот рубеж. Я навскидку предположила, потому что жизненный опыт, как не крути, ничем не скрыть. А эта уверенность и решимость, которая от него исходила, были уже вполне осознанными и степенными. Не как у мальчишек моего возраста — те лишь показывали свой гонор, а опыта за спиной, кроме лобзания девчонок помладше, не имели никакого. Бывали, конечно, исключения из правил, но... Артем оставлял именно такое впечатление — выдержанного, уверенного и степенного человека.

Или так мне казалось, потому что он помог нам с Мишей в той неприятной истории, так быстро отреагировал и пришел на выручку. И как бы там ни было, он был героем в моих глазах.

— Если ты не торопишься, я вернусь в машину за цветами? Пока догонял вас, совсем о них забыл.

Я стояла, словно парализованная, не улавливая тонкой нити смысла в его словах, пока, наконец, до меня не дошла простая истина.

Но и Артему следовало выражаться не так сумбурно. Я уж и правда подумала, что он собирался бегать за мной с цветами. Говорю же, жара пагубно влияла на мои мозги, превращая их в желе, а вкупе с появлением нового знакомого, который вызывал чувство смущения, впору и вовсе было активировать режим чрезвычайной ситуации.

— Подождите меня в теньке, я быстро, — Артем уже повернулся и пошел обратно к воротам.

Миша почти доел свое лакомство, а мне жутко хотелось пить. Сняв с плеча рюкзак, я достала салфетки и вытерла брату рот и грязную майку. Протянула маленькую бутылочку воды, зная, что после любой сладости он обязательно попросит воды.

Артем вернулся быстро, не прошло и пяти минут. В руках он держал красивый букет из красных роз, перевязанных черной лентой.

— Где лежит ваша бабушка? Я провожу вас, — он не спрашивал разрешения, а утверждал.

— Я плохо объясняю словами, иду всегда на память, — я слегка повела плечом, чувствуя все то же — смущение и непонятное волнение. Липкие, вспотевшие ладони я сжала в кулаки для пушей уверенности.

— Ты вчера так быстро убежала, я даже растерялся, — тихо проговорил Артем.

Переборов смущение, я посмотрела в его лицо.

— Мы торопились домой.

— К мужу? Почему он вас не встретил?

Я споткнулась едва, не распластавшись по асфальту.

— Папа нас бросил, — обиженно ответил Миша, не так поняв нашего нового знакомого, а я чуть не споткнулась еще раз и не повисла на одной из оградок вниз головой.

Артем решил, что Миша не мой брат, а сын? Неожиданный поворот. И я не понимала, почему шла и молчала, не опровергала слова брата. Возможно потому, что боялась продолжения этого знакомства? Но вроде Артем казался вполне адекватным мужчиной. Только никакие разговоры и тем более отношения, даже краткосрочные, не входили в мои планы. А точнее даже были существенной помехой. И Артем был значительно старше меня, опытнее, мне не хотелось, чтобы мной пополнили свою обширную коллекцию живых кукол и бросили за ненадобностью, наигравшись и поломав.

Наивно с моей стороны думать о подобных вещах, встречаясь с человеком второй раз в жизни, но это чувство не поддавалось никакой логике. Я прекрасно понимала его интерес, и куда бы он мог привести нас двоих. А с учетом, что испытывала не меньшее любопытство, бежать следовало без оглядки и со всех ног.

— Это не самая лучшая тема, — уклончиво ответила я и кивнула в сторону Миши.

Как мне показалось, весьма благородно, вышла из ситуации, показав тем самым, что это большая тема для ребенка. Хотя так оно и было. И не соврала, и в то же время не подтвердила догадки нового знакомого.

— Да, наверное, — согласился Артем и как-то снова странно на меня посмотрел. — Извини.

— Мы пришли.

Артем посмотрел на памятник, задержав на фотографии взгляд. Затем посмотрел на меня и Мишу.

— Какое-то сходство определенно есть. Правда, не ярко выраженное, — констатировал он.

Я облизала пересохшие губы и посмотрела на пустую бутылочку в руках Миши. Не стоило задерживаться долго в такой духоте. Солнечный удар, конечно, брат не получит, но вскоре снова попросит пить.

— Приятно было познакомиться, — я заметила, что новой травы на могилке почти не выросло.

— Вы уходите? — удивился Артем.

— Да, на улице очень душно. Мише жарко, — мне тоже, но прикрыться чувствами ребенка в такой момент — железная отговорка.

И вот теперь я увидела на лице Артема некоторое подобие замешательства. Он опустил цветы бутонами вниз и растерянно смотрел то на меня, то на Мишу.

— Я понимаю, что это прозвучит глупо, но... — Артем осекся, и уголки его губ поднялись вверх. — Может быть, вы ходите вместе со мной и к моим родителям? А потом я подвезу вас до дома. Что скажете? У меня в машине есть кондиционер. И вода.

Я схватилась руками за железную ограду, которая обожгла ладонь. Несмотря на то, что палящего солнца сегодня не наблюдалось, воздух был раскаленным и удушающим.

Это предложение, по меньшей мере, прозвучало неожиданно. И я не знала, что вот так, с ходу, ответить на него. Однако я не просила Артема навещать нашу бабушку, но теперь, вроде как, оставалась должной... Глупости! Опять это нелепое слово. Никому и ничего я не должна. Но Артем и не требовал, а вежливо просил. И я сама принимала решение, как сейчас поступить. С другой стороны, в чем была проблема задержаться на кладбище на лишние десять минут?

— До этого момента я думал, что в одиночестве куда комфортнее приходить к близким. Но я не был на могиле родителей два года. Ощуцаю себя не самым лучшим сыном. А вместе с вами... раз уж мы встретились... Пусть они посмотрят сверху, что я не так уж и плох — вон помог молодой девушке с ребенком, — он замолчал и пожал плечами.

И вдруг, с виду такой уверенный и сильный, неприступный и сложный, показался таким же обычным как я, как Миша, да как любой другой, когда поддается каким-либо сомнениям и слабостям.

Но все же я нашла силы сказать твёрдое «нет», потому что неправильно это было. Хотя мне ли было говорить о морали, той, которая обманывала мать?

Взглянула на Мишу, тот скромно молчал и внимательно рассматривал все кругом. Я же пожалела, что забыла дома кошелек. Нужно было закупить ему больше сладостей, чтобы чем-то отвлечь. Чтобы он ел, меньше примечал детали и не думал о смерти и утреннем разговоре. Иначе дома меня будет ждать новая атака вопросов.

— Они и так все видят сверху. Мы с Мишей торопимся, — без предыстории и твердым уверенным голосом проговорила я. — Извините.

Как бы ни велико было желание остаться, следовало уйти. И ни в какие машины я и подавно не сяду, и Мишу не посажу. Маме ещё утром обещала смотреть за братом и не допустить новых увечий. А если нам суждено было снова встретиться с Артёмом, то мы встретимся.

— До встречи, — услышала я вслед.

Только даже не обернулась. Шла с Мишкой по узкому тротуару и мечтала поскорее скрыться из виду. Потому как лопатками чувствовала магнетический и тяжёлый взгляд. И холод от этого пробирал до костей, несмотря на изматывающую духоту.

8 глава. Артем

Когда я, наконец, лег в постель, на часах было около десяти вечера, совсем детское время. Попытался вспомнить, когда отправлялся спать раньше трех ночи и просто забросил это дело. На протяжении нескольких лет отдыхал тогда, когда уже просто валился с ног от усталости. Иной раз и по полутора суток мог обходиться без сна. Но потом, правда, отсыпался по двадцать часов кряду.

Я лежал на кровати в гостиничном номере и смотрел в потолок, на котором плясали тени, и пытался уснуть. Выключил кондиционер, открыл окна настежь, так как привык засыпать под звуки машин на шоссе, под шум, производимый соседями сверху, ума только не приложу, чем они там занимались, потому как домой я возвращался всегда далеко за полночь. Но этот шум был для меня привычным и по-своему успокаивал. А здесь мне все было чуждо, я, как никогда, чувствовал свое одиночество в родном городе, и теперь оно казалось окончательным и беспросветным.

Остаток дня после посещения кладбища я провел в гостях у Эндара. Марина с сыновьями очень меня порадовали и удивили одновременно. Марина — прекрасным внешним видом и богатым на всевозможные закуски столом, он буквально ломился от угощений. А парни тем, как выросли за эти три года, что я с ними не виделся. На какое-то время я позабыл о своей прежней жизни отшельника и о том, что игнорировал семью Эндара столько времени. Даже забыл о встрече с той девушкой и ее сыном на кладбище, которую еще буквально вчера вызволил из неприятностей.

Мне казались странными все эти новые ощущения, которые мешали просто закрыть глаза и уснуть. Решение пришло спонтанно, и пока я окончательно не передумал, поднялся с кровати и взял телефон в руки.

— Привет, — на том конце провода трубку сняли после третьего гудка.

— Да, виделись недавно, — протянул Эндар. — Не спится? — ухмыльнулся он.

— Нет, — я тяжело вздохнул.

Но и говорить о наболевшем и тягостных мыслях в голове тоже не питал особого желания.

— Ну, приезжай ко мне в клуб. Я тоже сейчас подъеду. Мое предложение в силе.

— Отлично. Я скоро буду, — разъединил звонок и потер переносицу.

Еще днем он предлагал посидеть за бутылкой крепкого спиртного. Но я отказался, а вот сейчас был не против такой перспективы. Все лучше, чем одному сидеть в номере и копаться в своей голове, перебирая мысли как крупу, отсеивая, что нужно, а что нет. Изменить ничего уже не смогу, родителей не вернуть. Логичнее и правильнее будет отправиться в привычную атмосферу и переключиться на более позитивную волну. А то так еще додумаюсь до чего-то немыслимого и поеду искать ту девчонку с пацаном, чтобы выведать у нее, кто такая, и не нужна ли ей была помощь. Перед глазами то и дело всплывала картинка в магазине, когда она рыскала по карманам и пыталась найти недостающие на мороженое ребенку деньги. И взгляд этого маленького мальчика, полный надежды и обожания, когда он смотрел на свою мать. Да, определенно нужно было куда-то поехать. С этими мыслями я быстро собрался, спустился вниз, взял машину и отправился по знакомому маршруту.

Проезжая по пустынным улицам, я смотрел на дома и пытался вспомнить, когда в последний раз ощущал то самое тепло и уют, которые дарили мне родители и наш большой дом. Как я мог продать то место, в котором вырос, предать тем самым память близких людей? Поистине, в момент горя я просто не отдавал отчет своим действиям. Так больно резало изнутри, царапая все внутренности острыми лезвиями, что казалось не сможет причинить большей боли. Как же я ошибался. Весь день я силился не приезжать сюда, а сейчас стоял напротив нашего дома и

смотрел на него. В итоге дом оказался заброшенным и никому не нужным. Ощущал себя так, словно стоял на развалинах собственной души.

В клуб я уже ехал опустошенный и без настроения. Думал о том, через кого бы узнать, в чьих руках теперь находился наш дом и как можно его вернуть. Пока человек жив, он вправе допускать ошибки и исправлять их. Только я свой поступок не оправдывал. Прошёл мимо охраны и, минуя толпу, направился напрямик в кабинет Эндара. Он уже тоже был на месте, я видел его машину, припаркованную у клуба.

— Что-то ты совсем потух, — Эндар сидел в кресле за большим столом и курил сигару, пуская клубы дыма вверх.

Тяжело вздохнул и ничего не говоря, я прошёл вглубь комнаты. Сел на диван, запрокидывая голову, и принялся рассматривать потолок. Будто искал на нём ответы на все свои вопросы.

— Выпьешь? — предложил Эндар.

— Да.

Немного расслабиться и отвлечься явно не помешало бы. Иначе увязну в этих мыслях, как в грязном болоте. Настроение как раз и соответствовало, чтобы напиться и лечь спать.

Эндар подошёл к бару, налил в бокал янтарной жидкости и протянул его мне. Я осушил бокал тремя глотками и зажмурился. Терпкий вкус и крепость напитка бодрили и теплом пробирались по всем внутренностям, мгновенно вызывая расслабление.

— Ну, рассказывай.

А что было говорить? Много, о чем думал. Рассказ явно получится сбивчивый, да и не хотелось ворошить старые раны.

— Нечего рассказывать, — отмахнулся я. — Пошли в зал, — и посмотрел на бутылку. — С собой только прихвати, — кивнул в ее сторону. — На девчонок хочу взглянуть.

Эндар усмехнулся, но вопросы лишние задавать не стал. Вместе мы вышли из его кабинета, я решительно был настроен выбить всю дурь из своей головы какой-нибудь девчонкой и новой встряской. Мысли о прошлой жизни угнетали и тянули камнем на дно.

Мы присели возле барной стойки, я облокотился о столешницу и смотрел на весёлую молодёжь, которая подпрыгивала в такт зажигательной мелодии. Привычная атмосфера и в самом деле отвлекала от тяжелых мыслей. Я перевел взгляд на сцену, где извивались девушки. Те снова были в масках, но в новых костюмчиках. И не обращая больше внимания на людей вокруг, смотрел на девиц. Они сегодня поменялись местами, но я легко узнал ту, которая вчера танцевала правее. У нее движения получались более плавными и изящными, словно она находилась одна перед зеркалом и непринужденно танцевала для себя самой. Или, например, для меня.

— Эндар, а девочки у тебя частными танцами промышляют? — поинтересовался я, не спуская глаз с той, что сегодня находилась на левых позициях.

Эндар проследил за моим взглядом.

— Эти нет. Недоросли ещё, — как-то странно улыбнулся. — А те, что по будням у меня танцуют — Лена и Элеонора и отсосут за лишнюю тысячу. Хочешь, позвоню и вызову их? Все равно клуб сейчас закроется. Примчатся за десять минут.

А я снова посмотрел на ту, что извивалась на левом пьедестале, и представил ее на коленях в этой маске напротив своего члена.

— Нет, не хочу, — отозвался я.

Время уже было позднее, точнее ранее, рассвет скоро заявит свои права. Девушки и парни, кто в обнимку, кто поодиночке, стали расходиться. Я взглянул на часы. И снова перевёл взгляд на девушек, которые уже не танцевали, а стояли возле ди-джея.

— Эндар, пойдем, познакомишь меня с брюнеткой, — я смотрел, как девушки уходили со сцены.

Ни Лёну, ни Элеонору я не хотел. Хотел вон ту малышку. От одной мысли, что она будет рядом, в паху тесно становилось.

— Та, что в первый раз приглянулась? — уточнил он и снова ухмыльнулся.

— Да, вторая тоже вполне себе ничего, но мне эта понравилась.

— Как скажешь. В случае, если заберёшь на конкурс обеих, с тебя проценты, — я кивнул. Но про конкурс и кастинг совсем не думал. Другим были мысли заняты.

— Нашел, в чем сомневаться, — хмыкнул я и отвел глаза от пустой сцены.

Девушки уже ушли, пульт ди-джея тоже пустовал.

— А кто такие? — ещё раз решил освежить в памяти слова Эндара.

Чтобы заранее знать, на какие рычаги надавить и что сказать, чтобы девочка поняла, что я не враг ей, а союзник. Не сутенер, а будущий друг. Почему будущий? Да потому, что всех их помнил и знал тех, которые продались за деньги богатым дяденькам. Как правило, у меня был большой круг общения, и никто не исчезал с моих горизонтов в случае, если папик соскочит с крючка. В мгновение ока я мог помочь найти нового. Но на этот раз я шел к девочке в личных целях. Брюнетка меня заинтересовала, было в ней нечто такое, что трогало меня и бредило душу, ну и не только ее. И еще я хотел удостовериться, что напрасно всколыхнулось что-то внутри, и девчонка окажется такой же красивой и лакомой снаружи, а на деле дешевой и гнилой конфетой.

— Женя, в принципе, очень добрая девушка, — сказал Эндар, а я подумал о совершенно другой Жене и ее сыне Мише.

И вдруг осознал, что ту девушку мне хотелось увидеть сильнее. Она уж точно не окажется такой как эти все... Вспомнил, как она рьяно защищала мальчонку, словно тигрица. И как убегала от меня на кладбище, будто за ней орава собак гналась. Было в ней что-то притягательное, чистое и светлое. А то, что была одна, знал теперь наверняка. Но только почему она поспешно скрывалась от меня каждый раз, словно боялась, ведь я ничего ужасного не говорил и не делал? Любила отца своего ребенка? Потому и убегала?

Запретив себе о ней думать, я настроился на «рабочий лад». Возможно, пришла пора тоже завести себе игрушку. Как знать, вдруг эта самая Женя окажется искусной любовницей? Мне необходима была разрядка. О себе тоже следовало иногда думать. Редко, когда меня посещали такие грязные и пошлые мысли при взгляде на обычную танцовщицу. Столько их повидал, что смотрел часто пустыми глазами, оценивая в первую очередь пластичность тела и движения.

Ленивой походкой я шел по узкому и тёмному коридору. Мы остановились у маленькой двери, где слышались женские голоса и смех. Эндар ради приличия постучал, но ждать ответа не стал, открыл дверь и уверенным шагом переступил порог.

Девушки застыли на месте, завидев нас. Они все еще находились в своих нарядах и масках — не успели переодеться. Я вонзился взглядом в темненькую Женю и снова ощутил, как тесно стало в джинсах моему члену. Было что-то в этой девице притягательное, отчего внутри все сжималось в сладостном предчувствии, как я стяну с себя боксеры, раздвину ее стройные ноги и окажусь резким толчком внутри. Едва не вытолкав Эндара и подругу Жени за дверь, чтобы перейти к действиям, я закатил глаза и сжал крепко кулаки. Костяшки пальцев хрустнули, но никто этого кажется, кроме меня, не заметил.

— Девушки, — официальным тоном начал Эндар, а я уверенно вошёл в комнату, не спуская глаз с Жени.

Вблизи она казалась меньше и изящней, чем на сцене.

— Хочу познакомить вас с моим хорошим другом, — я внутренне поблагодарил Эндара, что он не стал упоминать о том, что я учредитель известного столичного конкурса. Приберегу этот козырь.

Шаг назад, что сделала Женя, не остался мною незамеченным. В комнате было слишком тускло, чтобы внимательнее рассмотреть лица, которые скрывались за масками. Девушки, будто впали в ступор, напряглись и с опаской смотрели в мою сторону. Уверенным шагом я подошел к брюнетке и протянул руку. Только слепоглухонемой теперь не понял бы, кто из этих двоих сегодня покинет клуб в моем обществе, а наутро проснется в моем номере в гостинице. Может даже маску не снимать и не разговаривать, лишь смотреть огромными красивыми глазами и стонать подо мной. Этого вполне будет достаточно. От навязчивых картинок и образов я ощутил тяжесть в паху, необходимо было срочно снять это напряжение. Девушка мне снова чем-то напомнила ту, которую я встретил сегодня на кладбище, а вчера спас от пьяных отмороzków. И от этого еще сильнее возросло желание увести брюнетку с собой.

— Артем, — протянул я руку испуганному олененку.

«Бэмби — усмехнулся про себя, — такая же хрупкая, длинноногая и с огромными глазами». Девушка судорожно сглотнула и снова отпрянула, сделала шаг назад, скрываясь в тени, а меня только сильнее завела эта напускная наивность и стеснительность.

Я перевел взгляд на Ларису. У той в отличие от подруги в глазах не было и тени замешательства.

— Такие бойкие и раскрепощенные на сцене, а сейчас и слова произнести не могут? Они у тебя немые? — я повернулся к Эндару, не понимая, чего испугались девчонки.

Я не успел придумать ни одной причины, по которой они вели себя так странно, как Женя вдруг сорвалась с места, быстрыми шагами прошла мимо и скрылась за дверью. Вконец обескураженный этим поступком, я должен был признать, что потерпел фиаско. Или, наоборот, встретил достойную соперницу, которая почуяла мой интерес и своим поведением хотела разжечь его лишь сильнее? Видел я таких уже не раз, пробовал, и в итоге ломал. Хочет, чтобы за ней побегали, увеличивала свой ценник, показывая, что она особенная? Но таких особенных продажных кукол кругом было навалом.

— Лариса? — Эндар вопросительно изогнул бровь и посмотрел на девушку, требуя от неё объяснений.

— Эндар, я не знаю в чем дело. Может дома что случилось? — растеряно ответила Лариса и с интересом посмотрела в мою сторону.

Вконец раздосадованный тем, что наживка сорвалась с крючка, махнул Эндару рукой и тоже направился прочь. Можно было бы продолжить знакомство с подругой Жени, но уже расхотелось. Ничего, я найду эту обломистку. И тоже поиграю с ней в одну увлекательную игру.

— Вот, Женька! — хмыкнул Эндар. — Вечно что-нибудь отмочит. Но знаешь, она на днях жаловалась, что какие-то отморозки с пацаненком ее в машину заталкивали, может, боится чего? Кто иной раз разберет этих баб? Я, конечно, ребят предупредил, чтобы смотрели в оба, но сам понимаешь, вышли из клуба и...

— Что? — я буквально почувствовал, с каким скрежетом и визгом тормозил мой мозг, цепляясь за слова Эндара.

— Ну, говорю, что не несу ответственности за них в нерабочее время. Тем более, сам понимаешь, они неофициально у меня работают. Чуть что...

— Про отмороzków, ты говорил, и что заталкивали девушку в машину, — я даже замер от неожиданности.

— Да вот прям на днях. Если не вчера, — Эндар задумался. — Ну да, вчера, точно! Женя как раз опоздала и позже созналась, в чем причина.

Я впал на мгновение в ступор, словно моя система зависла, а сейчас усиленно перезагружалась, складывая все фрагменты в один пазл.

— Куда она направилась? — я посмотрел на Эндара, чувствуя себя полным кретином, что сразу не понял, кого мне так напоминала эта Женя и почему было так много параллелей

между той, которая стояла несколько мгновений назад перед моими глазами и той, с которой снова хотел увидеться.

И вот сейчас, когда до меня, наконец, дошло, что это была одна и та же девушка, я ощутил нечто подобие праздника. Но тут же пришло замешательство и недоумение. Потому что в голове подобное не укладываюсь. Словно по мыслям прошел разрушительный торнадо и все перемешал и покрошил в пыль.

— На парковку, наверное. Обычно кто-то из охранников их подвозит до дома, — Эндар пожал плечами. — Неужели так зацепила?

Я кивнул.

— Ты только поаккуратнее с ней... — но я уже не слушал его.

Что зацепила, это не поддавалось сомнению, но вот что значит все это — танцы, ребенок, вчерашняя наша встреча? Это оставалось для меня пока загадкой. И сбежала сейчас почему? Стыдилась танцев и своего распутного поведения, что вела двойную жизнь, масками закрывалась?

Я кинулся на парковку, теща себя надеждой, что догоню девчонку и все лично у нее выведаю. Ведь говорил же, встретимся. Только и подумать не мог, что при таких обстоятельствах.

9 глава. Евгения

Перебирая ногами на неудобных каблуках, я держалась за сердце, которое готово было выпрыгнуть из груди от волнения. Но мельком оглянувшись назад, поняла, что напрасно боялась, за мной никто не гнался. Видно, вконец выжила из ума. Но увидев в раздевалке Артема — того самого, что встречала два дня подряд, и который, проигнорировав Лару, прямоком направился ко мне... испугалась, что он меня узнал. И ничего лучше не придумала, как сбежать.

У меня не было никакого опыта отношений с мужчинами, я всегда их сторонилась. Со сверстниками тоже не встречалась, уход отца из семьи все-таки накладывал свой отпечаток, и к парням, а тем более взрослым и уверенным мужчинам, я относилась настороженно, сквозь призму пережитого предательства отца. Глупо, наивно, но уйти, скрыться с глаз Артема казалось единственным правильным поступком, а не продолжать делать вид, что была недотрогой. Нет, таковой я точно не была. И притворяться не умела.

Резко остановившись на месте, я поняла, что так и не успела переодеться, а все вещи остались в раздевалке. В таком виде я не могла отправиться домой. Но и возвращаться в клуб, где, возможно, сейчас находился Артём, тоже не хотела. Осуждения боялась, обманывать и выкручиваться не любила, да и не умела. Какая грустная ирония!

Прислонившись спиной к кирпичной стене, я стояла на улице, смотрела в небо и думала, как поступить. Может, Лариса догадается прихватить мои вещи? Я бы переделалась прямо здесь, и вместе мы бы отправились домой. И когда слышались шаги, я облегчённо перевела дух, рассчитывая, что это была Ларка. Но с каждым шагом, который едва ли походил на топот женских ножек, я внутренне сжималась, понимая, что ошибалась. Артем показался из-за угла здания и, заметив меня, решительным шагом продолжил движение в мою сторону. Вжавшись в стену, я недоумевала, что последует дальше, но на этот раз точно никуда не уйду. Достаточно. Набегалась. Пришло время и поговорить. В ожидании слов и действий от мужчины, который остановился напротив и прожег меня взглядом, я вдруг ощутила неуверенность. Словно стала на несколько сантиметров ниже и, судя по сбивчивым мыслям в голове, глупее.

— Жень? — из уст Артема мое имя звучало так красиво. — Вот так поворот, — иронизировал он.

Я дрожала от волнения, как лист на ветру, не зная, что и говорить.

— Не ожидал тебя здесь встретить.

Мнение Артема относительно моего заработка не должно было меня волновать. Это всего лишь танцы. Я получала за это деньги и толику удовольствия. Но отчего-то стыдилась этого. Хотя стыдно мне должно было быть перед матерью, а не перед этим человеком. Гордо вздернув подбородок, я решила выправить ситуацию, в которой погорячилась и дала маху, сбежав из раздевалки, показав тем самым свою слабость.

— Я тоже не ожидала тебя снова встретить, — говорила спокойно, с деланным равнодушием. — Теперь я почти уверена, что ты меня выслеживал, — на самом деле я так не считала, но другого объяснения просто не находила.

Не могла же судьба играть с нами в такие нелепые игры?

— Нет, не выслеживал. Эндар — мой хороший знакомый. Я не ожидал тебя встретить в клубе, да еще в образе танцовщицы.

Я молчала. И Артем продолжил:

— Может быть, я подвезу тебя домой, и мы поговорим? — предложил он.

— Не стоит, — я была непреклонна.

И собиралась сопротивляться своему желанию до конца. Все же сейчас приходилось бороться с инстинктами, тянувшими меня к этому яркому и необычному мужчине. И от кого я только могла унаследовать эту глупую романтичность? Ну, спас меня человек, проявил сме-

лость и характер, добивался внимания... Что с того? Добром это все не кончится. А вот разбитым сердцем и сломанными чувствами запросто.

Но у Артема была другая точка зрения, которая с моей никак не перекликалась.

— И теперь скажешь мне, что не бегаешь от меня?

— Какая разница? Наверное, причина в том, что я не желаю продолжать общение? За спасение спасибо, за Мишу вдвойне, но кажется, я уже благодарила? Не знаю, зачем ты ищешь со мной встреч. Моему Мише не нужен новый отец. Он еще от старого не отошел.

Понимала, что говорю и совершаю глупость, но с собой для начала следовало разобраться, со своими чувствами. Я была полна решимости снова уйти. Сейчас это казалось самым правильным и необходимым поступком.

Уверенно сделала шаг в сторону, но Артем схватил меня за руку. От этого прикосновения участился пульс. Я подняла глаза к его лицу. Казалось, одним взглядом он хотел вывести меня на чистую воду, распознать мою ложь и раскрыть скрытые помыслы. Я замешкалась. Но всего лишь на доли секунды, и когда проглотила нервный комок, решительно отдернула руку, по-прежнему намереваясь не сдаваться.

— Вы позволяете себе много лишнего. Я не думаю, что это хорошая идея, — перевела пренебрежительный взгляд на его руку, которая сжимала мое запястье. — И, если девушка говорит твердое «нет» и хочет уйти, ее нужно отпустить. Не стоит опускаться до тех людей, от которых вы спасли меня с Мишей накануне, — я била словами и, как оказалось, в нужное место.

Хватка Артема ослабла, он выпустил мою руку, испепеляя взглядом. Голос разума заглушал любые чувства и диктовал откуда-то со стороны, что все я делала правильно. Но вот сердце неведомой ранее вибрацией и волнением, заставляющими смущаться и краснеть, пригвоздило меня к месту, и я была не в силах пошевелиться. Даже забыла на мгновение, что снова собиралась уйти.

Артем смерил меня насмешливым и презрительным взглядом.

— Ценник набиваешь? — не без ехидства озвучил он вопрос, а мне словно дали под дых. — Строишь из себя благочестивую? А сама по ночам подторговываешь шикарным телом? — смотрел прямо в лицо и выворачивал этими словами меня наизнанку, бил по самому больному месту. — Жизнь заставила? Если денег не хватает даже на мороженое ребёнку? Так я дам тебе все, что пожелаешь. Заберу из этой дыры и мир покажу. В роскоши научу купаться.

Я открывала и закрывала рот, как рыба, выброшенная на берег, хватала ртом воздух, а вместе с ним и все обидные слова.

И вместо жгучего интереса к мужчине я вдруг ощутила разочарование и злость. Стереотипы и ярлыки, которые я так боялась на себя повесить, он повесил на меня сам. Озвучил словами мои страхи. Реакция на его слова получилась спонтанной, но красноречивее любых сказанных в ответ слов. Моя ладонь рассекла воздух и отпечаталась на его щеке, оставляя лишь хлесткий звук, от которого я зажмурила глаза.

Артем ответил молниеносно, схватил меня за руку, ту, которая секунду назад оставила отметину на его скуле, и сильно сжал в кулаке. Я боялась открыть глаза, в них горел огонь ярости. Могла обжечь им мужчину и спровоцировать на новые нелицеприятные слова.

Артем задел глубокие струны души. Я пережила в это мгновение всю гамму чувств от ненависти до отчаяния, потому что он был прав. Я вела двойную жизнь, крутила задницей за деньги и врал матери. Боялась, если кто-то узнает об этом, и среди знакомых поползут грязные слухи. Никто не поверит, что я просто танцевала в клубе. И мне уже ничего не останется, как переехать в другой город. Я сама попала в этот капкан, прикрывалась благими намерениями, но стояла на пороге собственного ада, который поглощал меня каждый раз, когда я врал матери.

Широко распахнув глаза, я встретила с потемневшим взглядом Артема. По его лицу ходили желваки, а у меня на коже выступили мурашки и пульс снова подскочил до невыносимости.

мой скорости, отбивая бешеный ритм в ушах. Скажи мне сейчас Артём что-то в ответ, а я бы ничего не услышала. Мир кружился перед глазами, и лишь глаза напротив держали меня, как ориентир.

— Засунь свои блага, знаешь куда? — горячо выплеснула я, словно кипяток в его лицо, вырвала свою руку и на не твердых ногах пошла прочь.

Так мне было обидно. В первую очередь, из-за своих поступков и мыслей. Не хотела становиться продажной куклой и вешать на себя так называемый ценник.

Со стороны казалось, что я гордо дала отпор, а на деле летела в черную бездну, потому что такие ассоциации будет проводить каждый, кто когда-либо узнает обо мне эту правду. И никакие слова не отмоют меня от этой работы. За все нужно платить. Потому-то я хотела закончить учёбу и сбежать из этого города, надеясь в новом месте начать новую жизнь.

Перед глазами почему-то всплыли лица Лены и Элеоноры и их разговоры, какими чистыми и непорочными они тоже вот так мечтали вырваться из этого города, но клубная жизнь и легкие деньги засосали их, и теперь девушек все полностью устраивало. Не хотела становиться такой, и стать бы такую не смогла.

Вопреки моим ожиданиям, что Артём пойдет за мной, он остался стоять на месте, а я лишь сильнее припустила в клуб. Я летела по знакомым коридорам, будто сбегала не от мужчины, а от самой себя. В моей голове было много пробелов. Наивная, я полагала, что все закончилось, но вечер, а уже точнее, ночь была ещё не окончена, а впереди меня ждал совсем неприятный сюрприз.

И даже не один.

Первый заключался в том, что Ларисы не оказалось в раздевалке. А я так надеялась, что мы вместе покинем здание, сядем в машину к Вадиму — охраннику клуба, который часто подвозил нас до дома, и отправимся домой.

Схватив телефон, я разблокировала его и тут же набрала Ларису. Вдруг она ушла недалеко? Лара ответила почти сразу.

— Жень? — удивилась она.

И на мой вопрос, почему меня не дождалась, выдала, что решила, будто я осталась с тем красавчиком. От этих слов и такого «высокого» мнения о моих сильных сторонах я опешила и села на стул. Лариса уже ехала домой с Вадимом. Разъединила связь, услышав от подруги, что Вадим за мной возвращаться не станет, предложила попросить Руслана или ещё кого из парней подбросить меня до дома.

Первым желанием было и вовсе замуроваться в этой комнате до завтрашнего утра. Но это, по крайней мере, было очень глупо.

Смыв макияж, переодевшись, я положила в шкафчик сценическую одежду и, приоткрыв дверь, высунула голову, чтобы проверить обстановку. Кругом была пустота. Лишь издали слабо доносилась музыка. Люди, должно быть, уже разошлись. И все-таки с опаской я вышла наружу и направилась в зал. Естественно, скрестив пальцы. Давно я не попадала в подобные приключения. Если и не сказать больше — никогда. Нет, подкаты от охранников клуба были, реже от молодёжи, но после четкого и твёрдого «нет», на том все и заканчивалось. Ребята Эндара вопреки всем пересудам в городе отморозками не были, половина из них семейные люди. А сам Эндар был женат и воспитывал двух сыновей. Если с криминалом и были какие истории в прошлом, то, вероятно, там же они и остались. Никогда от него не поступало никаких грязных предложений и домогательств. До сегодняшнего дня замечен в «сводничестве» не был. Пока не привёл своего знакомого к нам в раздевалку. Но только вот после этого раза я уже и не уверена, что не приведёт кого-либо еще. Такого же наглого и бесцеремонного.

В зале Руслана не оказалось. Бармен Гоша указал кивком в сторону выхода:

— На парковку пять минут назад ушёл, пойдёшь, глянь, может, и не уехал ещё.

Если Руслан уже сорвался с места, то оставалось только такси или же идти пешком. Как раз к утру дойду до дома, а там сразу и в колледж.

С небольшим рюкзачком за спиной и сжатыми от напряжения кулаками, я вышла из клуба, минуя веселую компанию парней, которые ещё не разошлись, и едва ли не вприпрыжку направилась в сторону парковки.

10 глава. Артем

Оставшись в одиночестве, вспомнил о наших мужских посиделках с Арчи. Лерочка часто разбавляла нашу компанию. И если сначала меня напрягало ее присутствием, то позже научился нейтрально реагировать и попросту не замечать. Так вот однажды она вступила в наш диалог. Скривила кислую мину и сказала, несмотря на то что мы были мужчинами, оставались совершенно узколобыми варварами с яйцами в штанах. Почему сейчас вспомнил о тех словах и горячем споре, не знаю. В тот раз мы обсуждали женский пол и его отношение к мужскому.

Стоял возле машины, сдерживался, чтобы не заглянуть в бардачок и не извлечь из него сигареты. Недавно я бросил курить, а сейчас был близок к тому, чтобы нарушить этот запрет. Сам не знаю, почему думал о Лериных сравнениях, пощечине Жени и ее реакции на мои слова. С таким я сталкивался впервые.

Вздохнув, я все же заглянул в бардачок. Внимание привлёк шум и гвалт — веселая компания, стоящая возле клуба, стала понемногу расходиться. Краем зрения я уловил фигуры двух молодых людей. Они неторопливо двигались в мою сторону и я, откинув сигарету, выпрямился, внимательно всмотрелся в поджарых ребят. Один из них проказался мне знакомым. Я подумал, что кто-то из старых приятелей узнал меня и решил подойти, поздороваться. Но когда в руках у того, что был пухлее и с лысиной на голове мелькнул нож, я напрягся. И приглядевшись, понял, что это были вчерашние «знакомые». Узнали-таки и решили устроить акт возмездия? Но не в этот раз. Достаточно на сегодня глупостей.

Я встал с капота, намереваясь забраться в машину и уехать, но на стоянке вдруг показалась та, что занимала несколько мгновений назад все мои мысли. Женя заметила меня и парней, направляющихся в мою сторону. В нерешительности замерла на месте.

В руках второго парня тоже мелькнул нож, и я был уже не так уверен, что выберусь из этой передраги целым и невредимым. Возможно, завтра колонки криминальной хроники в местных газетенках с будут пестрить кричащими заголовками. Отвернувшись от Жени, потому как не до нее мне было в этот момент, я выставил руки вперед, собираясь начать с диалога, хотя умом понимал, что напрасно это все. Нужно на опережение действовать: выбивать ногой оружие из рук негодяев. Только их двое, а я был один. Звонить Эндару, чтобы он натравил своих «бойскаутов» на этот сброд, и они заломили отморозкам руки — телефон достать не успею. И вот он парадокс судьбы — сейчас мы поменялись с недотрогой местами, и впору мне уже оказывать помощь и звать подмогу.

— Ну, вот и свиделись, — а глаза у обоих пьяные, будто обкуренные чём-то.

И главное, помнят меня, что удивительно. Я бы вот точно их не приметил во второй раз, если бы не блестящие лезвия, что отливали серебристым цветом в свете фонарей. И более того, не стал бы дожидаться разборок, сел в автомобиль и дернул отсюда, оставив парней ни с чем. Но выглянув из-за плеча одного из них, увидел, что Женя так и не ушла. А оставлять ее одну на растерзание упырям точно был не настроен. Сам виноват, что вызвался помочь и связался с недоумками. Только кто знал, что они были настолько контуженными и конченными?

Но все же успел заметить в руках девушки яркий баллончик и понял, что она, простая душа, собиралась лезть на рожон. Захотелось хорошенько ее встряхнуть, чтобы выбить эту дурь из прекрасной головки.

— Женя, иди в машину! — громко крикнул я, надеясь, что она буквально поймет эти слова и сделает, как я попросил.

Но куда там! Осталась стоять на месте.

Парни обернулись назад, потеряли бдительность на доли секунды, но именно этого эффекта я добивался. Ударом ноги выбил у одного из них нож, и он упал на асфальт, издав характерное позвякивание, а второй быстро сориентировался и, несмотря на стеклянный

взгляд, рассек ножом воздух прямо перед моим лицом. Не ожидая от нападающего такой прыти, я почувствовал легкое жжение в области груди, но быстро выбил нож и заломив недотянувшие руки, сжал в крепком захвате. Женя не растерялась, тут же подбежала и прыснула газ из баллончика в лицо обидчика. Всё происходило с такой скоростью, что я не сразу уловил краем глаза второго парня, который очухался от моего удара и уже рыскал по асфальту в поисках ножа. И вопреки моим ожиданиям, что он кинется на меня, он подбежал к Жене. Та была ближе и, возможно, он просто руководствовался этим фактом.

— Отойди от нее, — прорычал я, ощущая ярость в каждой клетке.

Отбросил в сторону парня, который корчился и тер руками лицо и глаза. И попытался снова выбить оружие из рук второго подонка. Действовал быстро, понимая, что любое промедление может стоить девушке жизни. И все же не успел. Женя в ступоре зажмурила глаза, когда недоумок кинулся на нее со всего размаху. Раскинула руки в стороны и попыталась увернуться, делая шаги назад. Я оказался рядом, и с ноги вырубил отморозка, снова выбивая нож. Послышался шум и на парковку выбежали двое охранников. Но мне уже было не до того. Сердце сжалось, когда я заметил скорчившуюся на асфальте Женю. Молниеносно оказался возле нее. Поднял хрупкое тело на руки.

— Женя, — сам не понимая, что кричу, я слегка ее встряхнул.

Красивое лицо было перекошено от боли, девушка крепко держалась за плечо, а по ее щекам текли слезы.

Сердце снова сжалось в нехорошем предчувствии. Я держал ее в своих руках так крепко, словно от этого зависела ее жизнь. На темно-серой рубашке выступала кровь, подбородок дрожал, все ее тело била мелкая судорога.

— Женя, — я снова ее позвал.

Этот подонки всё-таки ее задел, и мне нужно было знать, как глубоко и в какую часть тела.

Девушка разлепила глаза и посмотрела на меня бездонными синими омутами, в которых плескался страх. Наверное, в этот момент я окончательно понял, что мне плевать на то, что у нее дома был сын, что она жила двойной жизнью. В груди все сжалось от ее взгляда, и вдох полноценный не в состоянии был сделать, когда вглядывался в белое лицо и прижимал к себе слабое тело. Не знаю, что это было, но показалось, что до этого момента и не жил вовсе. И такое в кино только бывает.

— У тебя кровь, — услышал я слабый голос Жени, и у меня отлегло от сердца.

Она смотрела мне в лицо расфокусированным взглядом, и я понял, что она близка к тому, чтобы отключиться. Из плеча ее хлестала кровь, и по-хорошему ей нужна была врачебная помощь.

— Женя, смотри на меня, не закрывай глаз, — попросил я, видя, как она их закатывала.

Я очень злился на нее, что она ввязалась в эту потасовку. Кто ее просил? Вызвала бы охрану и осталась в здании. Кто ее просил лезть на амбразуру? Никогда и ничем хорошим такая самостоятельность не кончается. По себе знаю. А теперь и для нее уроком будет на всю оставшуюся жизнь. Кровь на моей рубашке проступала не так ярко, как на Жениной, и я, вконец обеспокоенный ее состоянием и тем насколько глубоко этот недоумок ее задел, понес девочку к машине. Положив ее на сиденье, я попытался найти аптечку.

Женя старалась из последних сил остаться в сознании, мотала головой из стороны в сторону, что-то бормотала. Но в какой-то момент обмякла и склонила голову набок. А я подумал, что лучше бы меня так сильно задело. Но не девушку. Она-то уж точно ни в чем не была виновата.

Тогда я не на шутку перепугался, и, решив, что пока до скорой дойдет суть да дело, она потеряет много крови, и я никогда себе не прощу, если не пристегну ее сейчас ремнем безопасности, не наложу жгут и сам не отвезу в больницу. Меня нисколько не заботила моя рана. По сравнению с тем, как пострадала Жена, я отделался легкой царапиной.

— И чем ты только думала! — продолжал сетовать я, расстегивая рубашку и осматривая плечо, из которого тоненькой струйкой сочилась кровь.

Сердце учащенно билось, когда я смотрел в бледное, красивое и наивное лицо. Никак в голове не укладывалось, что она была такая же продажная и дешевая, как и все те девицы, что проходили через кастинг нашего с Арчи конкурса. Без маски и броского макияжа она выглядела совсем детенышем. Кожа ровного сливочного оттенка, губы пухлые, ресницы свои естественные, длинные, выразительные и слегка подрагивавшие.

Достал из аптечки бинт и стянул им плечо и руку девушки, завязал наспех, пристегнул ремнем безопасности, снял с себя рубашку и, прикрыв ее тело, сел на водительское место. Один из охранников махнул рукой, чтобы я притормозил, но мне было совершенно не до него. Рана Жени оказалась глубокой, следовало продезинфицировать ее и наложить шов. Сам я не справлюсь. Не было под рукой подручных средств, кроме нашатырного спирта. И я не был уверен, что ее нужно было приводить в сознание. И придет ли она в себя от паров этого невыносимого запаха?

По памяти я гнал по дороге до больницы на запредельной скорости, изредка посматривая на пострадавшую. В голове никак не укладывалось, зачем она во все это ввязалась? Почему не ушла? И с кем остался дома ее ребенок? Кому следовало звонить и сообщать, что она попала в беду? А главное, что мне теперь было со всем этим делать? Для начала сдать ее врачам, чтобы те осмотрели и остановили кровь, зашили рану. Или не знаю, что делалось в подобных случаях. А там видно будет. Одно я знал точно, что не хотел оставлять ее в беде. Кем бы ни была на самом деле. Скольких бы детей не воспитывала. Глядя в это лицо, я чувствовал, что по телу разливалось тепло, будто мир сосредоточился в радиусе этой девушки, а остальное теперь имело второстепенное значение.

Сложно было объяснить внезапно обрушившуюся на меня гамму чувств. Эта ночь озаорила жизнь яркими вспышками фейерверков, и я не видел ничего вокруг, кроме этого прекрасного и бледного лица.

Помутнение рассудка, не иначе. Может быть, какая инфекция попала мне в кровь, и теперь я был заражен, и мне тоже срочно требовалась вакцина и врачебная помощь? Какое-то противоядие от этой химеры, что проникала глубоко под кожу, уничтожая былые устои и нарушая привычный мир своим появлением?

Бросил машину прямо у ворот — твердолобый охранник отказался поднимать шлагбаум без пропуска, а мне некогда было объяснять и показывать, что у меня на пассажирском сидении лежала раненая девушка, которой требовалась срочная медицинская помощь. С Женой на руках я размашистыми и уверенными шагами направился в приемное отделение. Лет семь тому назад отец меня сюда привозил, а я все ещё не забыл дорогу.

Женя никак не реагировала ни на прикосновения, ни на мой голос. И я уже накрутил себя, что ножом этот подонок задел жизненно важный орган.

Ногой толкнул дверь, охранник заприметил нас и помог придержать дверь, пока мы не оказались внутри.

— Врача! Ножевое ранение, — крикнул я запыхавшись.

Женщина в белом халате появилась едва ли не в ту же секунду, махнула рукой следовать за ней. Минувя небольшой коридор, мы оказались внутри кабинета с кушеткой.

— Что случилось?

— Ножевое ранение, она потеряла много крови. Я как мог, наложил жгут и повязку.

— Хорошо, — женщина посмотрела на меня.

Я стоял рядом с кушеткой и продолжал держать Женю на руках.

— Молодой человек, мне нужно осмотреть девушку.

— Ах да, — я положил Женю на кушетку.

— Выйдите. Я проведу осмотр, бригада врачей уже спускается. С вами позже поговорит доктор. В полицию сообщили?

— Что? Да, — соврал я, чтобы не терять драгоценное время на пустые вопросы, — уже дал показания.

Бросив на Женю растерянный взгляд, я вышел из смотровой и присел на стул. Никак я не рассчитывал на такое завершение этой ночи.

11 глава. Артем

Адреналин слегка поулегся внутри, и кровь больше не стыла в венах от злости на девушку, что полезла на амбразуру. Лишь яростный гнев плескался где-то на задворках души на тех недоумков, которым готов был проломить череп, да сидеть потом неохота.

Теперь же я успокоился и мог трезво посмотреть на эту ситуацию будто бы со стороны. Два дня прошло, как я вернулся в родной город, а ощущение такое, что провел здесь не один месяц. Столько всего случилось.

Мимо меня прошли два человека в белых халатах, а спустя какое-то время Женю вывезли на каталке из приемного отделения.

Мне выдали ее вещи. Объяснили, что у нее сильная потеря крови и болевой шок какой-то там степени. Я слушал вполуха, думая о том, как все-таки нелепо все вышло.

— Куда вы ее везете? — уточнил я, предполагая, что в операционную.

Опасения подтвердились. Один из врачей — женщина с добрыми большими глазами как у Жени заверила, что все будет хорошо, но я не разделял ее уверенность.

— Мы наложим шов, вероятно, были повреждены сухожилия. Потребуется переливание крови, — сказала она.

— Вы муж? — окинула меня оценивающим взглядом.

— Жених, — соврал я, нервно потирая ладони.

Когда Женя придет в себя, мне необходимо к ней попасть и поговорить. А жених — весомый аргумент, не так ли? Так и подмывало хорошенько ее встряхнуть, чтобы в голове у нее все встало на место, и она на остаток жизни запомнила, что связываться с отморозками и лезть на рожон — самое последнее дело.

Но и без того ей сейчас было несладко.

— Узнавайте в регистратуре о ее состоянии через пару часов, — ответила женщина и скрылась из виду.

А я устало опустился на стул, держа в руках маленький рюкзак девушки, перепачканный ее кровью. Я не в состоянии был сдвинуться с места, но следовало перевести дух и возвращаться в машину, позвонить Эндару. Узнать, что там с этими отморозками. Сам лично изувечил бы каждого. Но Эндар позвонил первым. Я уже шел по дороге к машине. На улице становилось светло, яркая полоска обогрела горизонт в красный цвет, а я еще даже не ложился и не был уверен, что усну. По крайней мере, пока не узнаю, что с девушкой все хорошо, а ее жизни ничего не угрожало. Давно на сердце не было так тяжело и одновременно легко. Чувство было похожее на то, как будто я парил в воздухе с большим грузом за спиной, взмахивал крыльями, чтобы воспарить выше. Лететь получалось не так-то легко, но ощущение полета и свободы было все таким же неимоверно захватывающим.

— Артём! Ты где? Что случилось? — послышался обеспокоенный голос в трубке, а я невольно вспомнил об отце. — Наверное, он бы с такой же заботой и участием в голосе со мной сейчас говорил. Но прогнав прочь все мысли о прошлом и родителях, взял себя в руки.

— Ничего, все живы, — отозвался я. — Помнишь, историю с отморозками, на которых вчера тебе жаловалась Женя — твоя танцовщица из клуба — так это я был тем человеком, который помог ей и маленькому мальчику. А сегодня эти подонки, видимо, снова пришли в клуб. Меня признали. С ножом начали кидаться.

— А Женя? Охрана доложила мне, что девушка была ранена, а ты говоришь, что напали на тебя? — по интонации голоса я понял, что Эндар в замешательстве и сильно взволнован. — Позвонил Артур, сказал, что Женя просила, чтобы он брал ребят и бежал на парковку, мол на друга Эндара напали какие-то мужчины с оружием. Мои ребята прибежали и скрутили их. Но с Женей что? Ее задело? Она зачем ввязалась? Вы где?

— Задел ее один из тех ублюдков. Я отвёз Женю в больницу. Она сейчас в операционной, — говорил я, а сам чувствовал, как опять начинает трясти от злости.

— Что? — повысил голос Эндар. — На хрена она полезла? — он грубо прокричал в телефон, а затем раздосадовано выдохнул. — Ты куда, мать твою, смотрел?

«Сам бы хотел у нее спросить», — подумал я, но озвучивать не стал. Просто промолчал, потому что, какой теперь толк переливать из пустого в порожнее, когда дело уже сделано. Не досмотрел, не успел. Все. Ничего уже не вернуть.

— Ну, в общем, парни мои подонков скрутили, кто-то из прохожих вызвал полицию. С Женей это дело нужно замять, не стоит её таскать по участкам. Ты сам как? — смягчился Эндар.

А меня полоснуло за живое, как он вдруг рьяно кинулся на защиту девушки.

— С чего вдруг такая забота? — спросил я, сплевывая на землю.

В руках у меня оказалась моя рубашка, и я со злостью натянул ее на тело.

— Ну как... вроде не чужой ты мне... — в голосе Эндара слышалось замешательство.

— Я не себя имею в виду. О девчонке чего так печешься? Ноги раздвигает перед тобой?

Другого варианта в эту минуту и не нашлось. Но я слишком хорошо знал Эндара, чтобы он просто так кому-то помогал? Отчитывал меня как ребенка и раз сто спросил, что с девушкой.

— За языком следи, — процедил он. — А раздвигает или сводит — не твое дело. К сексу уж точно никого и никогда не принуждал против воли, — услышав, как он ухмыльнулся, я сжал кулаки.

Мерзавец! Неужели Марины ему было мало? Но решил прежде остыть, поговорить с ним на повышенных тонах и потом успею.

— Адрес участка скинь, я поеду, заявление напишу.

— Про Женю ничего и нигде не упоминай, — напомнил Эндар, а меня аж подкинуло от возмущения.

Если и не спал с ней, то виды точно имел.

— Сам как? — переспросил он.

— Задело слегка, само затянется, — в голове с трудом укладывалось, что он изменял Марине.

— Ладно, я нажму на рычаги. Свои увечья, главное, зафиксируй.

Я уж и забыл об отметине на левой груди. Посмотрел туда и не понял, а ранен ли сам? Все мое тело и руки были в Жениной крови. По-хорошему нужно было вернуться в приемное отделение, чтобы врачи зафиксировали на бумаге нанесенные увечья. Загвоздка была в том, что времени всем этим заниматься я не располагал. Мне кровь из носу нужно к вечеру выезжать в Москву. Не мог Эндар «по-своему» поговорить с этими недоумками? Я точно знаю, он умел. Помнил случайно подслушанный несколько лет тому назад разговор отца и Эндара об их общем прошлом.

— У меня кастинг на носу. Арчи мне весь телефон побьет, если сегодня вечером я не выйду на связь, а завтра утром не появлюсь в Москве.

Ума не приложу, как уезжать и как не уезжать тем более. Очень уж хотелось продолжить общение с Женей. Хотя бы узнать о причинах ее храбрости, которая обоим нам вышла боком. А еще спросить у нее в лоб про Эндара.

— На кой черт тебе это сдалось? — не выдержал я. — Неужто не можешь решить этот вопрос в обход полиции?

Почему бы ребятам Эндара не проучить отмороzków?

— Нет смысла их прижимать. Я справки уже навел — они бывалые. Вышли из тюрьмы недавно. Зона с распростертыми объятиями их обратно примет. А я сейчас по законам живу, — сказал Эндар и разъединил связь.

Вот и поговорили.

Но в машину я все-таки вернулся, не знаю, правда, зачем. Сидение, на котором лежала Женя было испачкано кровью, и я нахмурился, снова вспоминая обо всем, что произошло. Сложно было представить, если бы эта девочка что-то для меня значила или подобное случилось с моей женой или же девушкой.

Переведя дух, я все же направился в больницу, чтобы зафиксировать порезы и ушибы. Мне обработали раны. Выдали справки на руки. А Эндар тем временем выслал в сообщении адрес участка. Отморозки уже находились там, оставалось лишь навестить следователя, оставить ему выписки из приемного покоя и написать заявление. Как раз должен был улечься в пару часов. Я очень хотел вернуться, чтобы узнать о состоянии Жени, и уже потом поехать в гостиницу и смыть, наконец, с себя весь кошмар этой ночи. Но в участке меня продержали невесть сколько времени. Когда я вышел из душного и прокуренного помещения, то даже ощутил лёгкое головокружение, вдохнув глоток свежего утреннего воздуха.

Сел за руль и устало посмотрел вокруг себя. Нет, сна как такового не было ни в одном глазу, лишь поток сумбурных и несвязанных мыслей. А еще апатия и нежелание трогаться с места, закрыть бы глаза и погрузиться в дрему прямо здесь, возле участка. Меня всегда накрывало подобными чувствами, когда я заходил в тупик или не спал больше суток. Организм бунтовал.

Но вдруг раздалась мелодичная трель, и я в недоумении осмотрел салон. И тут только вспомнил про рюкзак Жени. Звонил ее телефон, — осенило меня. Я подхватил ранец, нащупал внутри аппарат и выудил на свет. На дисплее высвечивалось короткое, но емкое «Мама» и лицо симпатичной и довольно молодой женщины. Интересно, это была старая фотография, иначе не представляю, во сколько она родила дочь...

Я ответил на звонок и приложил телефон к уху.

— Женя, ты куда запропастилась? Мне на работу скоро, а Мишу в сад я не успеваю уже отвести. Так и тебе ещё на занятия.

Вот так поворот. Выходит, Женя к тому же ещё была и студенткой? Оставляла мальчика на мать, сама в клуб на ночную жизнь, а утром ещё и на учёбу? Я тяжело вздохнул.

— Извините, — женщина была намерена сказать дочери что-то еще, но я прервал этот бурный поток слов. — С Женей произошла неприятная ситуация и сейчас она находится в больнице...

— Что? — перебила женщина и будто осеклась.

Повисло молчание, но всего лишь на несколько секунд. Я дал время, чтобы женщина смогла осознать услышанные слова.

— Что с моей дочерью? — послышались нотки страха и на последнем слове ее голос дрогнул. — С кем я говорю? — она тут же взяла себя в руки.

— Я помог ей и отвёз в больницу, — ответил я. — На нее напали возле клуба.

А сам сидел и смотрел на сонных прохожих, которые походили на зомби. Они торопились по делам, половина так точно шла на автомате, словно роботы перебежали дорогу на зеленый свет, замирали на красном.

— Клуба? — переспросила женщина, повысив голос.

Но тут же снова осеклась. А я, увлекшись своими наблюдениям за людьми, не заметил удивления в женском голосе.

— Диктуйте адрес больницы, я отведу сына к соседке, а сама отпрошусь с работы.

На том конце связи я услышал тоненький голосок.

— Миша, сынок, подожди, — просила женщина мальчика не мешать ей, пока я говорил адрес, а сам сопоставлял все факты.

Во второй раз за эти нескончаемо долгие сутки я чувствовал, как спотыкался мой мозг. Как на высокой скорости я врезался в преграду. Несколько слов — БАМ! — и ты ощущаешь, как кто-то взорвал внутри твоей головы атомную бомбу, и тонны пепла оседают в мыслях.

— Миша? Это ваш сын? — спросил я.

Ничего не понимал. Ведь Женя говорила, что Миша — это ее сын, разве нет?

— Да, — ответила женщина.

Связь давно уже разъединилась, а я все сидел с прижатым к уху телефоном и думал о том, с какой все-таки двуличной, и в то же время отчаянной девушкой столкнула меня судьба. Жаль, у меня нет времени разгадывать ее тайны, завтра я должен быть уже в Москве, а там... Будь что будет. Лишь бы оклемалась. На крайний случай, мои дела не вечные, а после я собирался вернуться в Волгоград, чтобы решить вопрос с родительским домом. В телефон Жени я внес свой номер и совершил с него дозвон на свой сотовый. Не знаю, зачем это делал, но был уверен, что позвоню.

Не помню, как добрался до больницы, как дошёл до регистратуры. В руках я держал Женин рюкзак. Мне сообщили, что девушка находится в реанимации, ее прооперировали, и она ещё не пришла в себя. Прогнозы давали благоприятные. И на том спасибо.

Я оставил ее вещи у медсестры и со спокойной совестью, но с огромным камнем на сердце покинул стены больницы. Мечтал умыться, принять душ, позавтракать и лечь спать. Хотя бы на пару часов. Потому как не представлял, как поеду с такой головой в Москву. Такое ощущение, что по мне самосвал проехал и сравнял меня с землёй. А вместе со мной и все мои чувства. Я был эмоционально и морально опустошен, испит до дна и обессилен.

Захватывающее возвращение на малую родину. Ничего не скажешь.

12 глава. Евгения

Придя в себя, я сразу почувствовала, как ноет и болит верхняя часть тела. В голове будто оказалась легкая и воздушная вата, а глаза не могли толком ни на чем сфокусироваться. Наверно так беспомощно и разбито я ещё не чувствовала себя за всю свою жизнь. Перед глазами все вертелось и кружилось. На мгновение я даже подумала об экстремальных аттракционах. Захотелось закричать и попросить, чтобы движение остановили, и я бы смогла сойти на землю. И когда уже собиралась открыть рот, то обессилено закрыла глаза и снова проваливалась в какую-то черную пропасть, из которой не могла выбраться самостоятельно. Из темноты меня то и дело вырывали неприятные запахи и голоса, но потом я снова летела в нескончаемую бездну. Мне хотелось поднять руки, за что-нибудь ухватиться, но все мои попытки заканчивались безуспешно. Не знаю, сколько длилось это беспмятство, но когда я снова открыла глаза, то не увидела привычных ярких вспышек. А даже смогла рассмотреть свои руки и белую простыню, которой была укрыта чуть ли не по подбородок. Поняла, что все позади, и все те ужасные минуты, будто бы я была подвешена головой вниз, тоже закончились. Меня мучила жажда, горло саднило и мне хотелось обхватить его руками, сжать, чтобы не чувствовать этой неприятной сухости во рту. На глаза, как будто кто-то надавливал сверху, они так и норовили снова сомкнуться от накатывающего бессилия.

— Нет, все, моя хорошая, спать больше не будем, — услышала я незнакомый голос и напряглась.

В сознание снова яркими вспышками ворвались одно за другим воспоминания. Артем, Эндар, пощечина, парковка, отморозки — те самые, что накануне едва не затащили меня и брата в свою машину. Снова Артём, нож, блестящее лезвие которого, как сейчас, увидела перед глазами, затем боль и пустота. Огромный пробел. Бессмысленно было спрашивать, где я. И так понятно, что в больнице. Пошевелила пальцами рук и ног, и облегченно выдохнула, почувствовав отклик своих конечностей. Не хватало ещё в таком молодом возрасте остаться овощем и обузой для матери.

— Мама! — я сильно дернулась, ощущая боль в верхней левой части, и зажмурила глаза.

Переждав, когда пульсация немного поутихла, снова попыталась приподняться.

— Мне нужно позвонить матери!

— Спокойно! Ты что делаешь? Рано тебе вставать. Полежи немного, позже встанешь. Ты столько крови потеряла, что и захочешь встать — не получится. В обморок сразу упадёшь. Нужно сначала восстановиться немного. А то подвиги вздумала совершать! — назидательным тоном говорила медсестра. — Приходила мама, не беспокойся. Сейчас понаблюдаем за тобой и переведем из реанимации в общую палату.

Ничего не оставалось, как послушно кивнуть. В одном я была согласна с женщиной в белом халате — достаточно уже насOVERшала подвигов. Как теперь выкручиваться только? Да ещё и экзамены на носу... О чем я только думала? Позвонила Артуру — охраннику клуба — и отошла бы в сторону. Нет же, полезла в самую гущу. Сама была Артема по лицу, и сама же побежала его спасать. Не иначе, правду говорят — все бабы дуры. Другого определения и не подобрать. Но... отмотай время назад, я поступила бы так же. А еще я отчетливо помнила красное пятно на рубашке Артема. Значит, и он пострадал тоже?

— Парень? — прохрипела я, снова почувствовав жажду.

— Что? — женщина вопросительно на меня посмотрела.

— Хочу пить, — сменила я тему.

— Нет, потерпи немного, через часик я приду и принесу воды.

Час? Я едва не расплакалась, услышав о таком отрезке времени. Казалось, не сделай я глотка воды и иссохну в это же мгновение. Рассыплюсь в прах!

— А парень? Как я здесь оказалась? — совсем ничего не помнила после того, как получила удар ножом. Помнила лишь, что точно пришла не сама.

— Ну, наверное, он привез тебя, — женщина пожала плечами. — Я всего лишь медсестра. А принимали тебя в другом месте. Ты что же, не помнишь ничего?

— Без сознания была, — ответила я, пытаюсь восстановить последовательность событий, перед тем как оказаться здесь.

Но все что помнила — это блестящее лезвие ножа, сильные руки Артема и его встревоженное лицо. И гамма неприятных болевых ощущений, а еще запах крови. От него у меня сразу кружилась голова, и сжимался желудок. Даже от одного упоминания становилось не по себе.

— А мой рюкзак и телефон? — вспомнила я о личных вещах.

— Все на посту, но в реанимацию никаких вещей я тебе не принесу. Не переживай, мама приходила, с врачом они поговорили. Ты теперь лежи и отдыхай.

Я снова почувствовала усталость.

— Тебе наложили семь швов, рана оказалась не сильно глубокой, ни сухожилия, ничего не задето. Но операция сама понимаешь... Нужен покой.

Интересно сколько времени я находилась в бесспамятстве?

Я шумно выдохнула. Нет, ничего не понимаю. Как такая нелепость могла со мной повториться? Ведь снаряд дважды не попадал в одну воронку. Наверное, мой случай исключение из правил, если те отморозки решили устроить моему спасителю акт возмездия в тот самый момент, когда и я оказалась поблизости.

Но героиней я себя не чувствовала и, даже более того, не понимала, зачем в это ввязалась. На душе скребли кошки, острыми коготками они вонзались в кожу и медленно сползали вниз, проникая так глубоко, что боль казалась нестерпимой. Я ощущала всем своим естеством, что настал конец былой и размеренной жизни. Лежала в палате, обмотанная многочисленными проводами, точно находилась не на грани жизни и смерти, а на пороге собственных открытий. Сейчас я явственно осознавала, что не хочу возвращаться в прежнюю жизнь, врать матери, танцевать в этом клубе. Скрываться и вести двойную жизнь, словно была агентом под прикрытием. И вопреки всем доводам разума я желала уехать из города. Лишь мысль о маленьком братишке причиняла мне душевную боль. Я только думала о дальней дороге и разлуке, а сердце уже рвалось в клочья.

Ближе к вечеру меня перевели в обычную палату. Одноместную, что весьма меня удивило. Я сразу подумала об Артеме, что это его рук дело. Мать точно не оплатила бы мне пребывание в таких хоромах. Не по средствам нам это было. А вечером, в положенные часы посещения она пришла меня навестить. Я боялась и одновременно ждала этой встречи. Надеюсь, что она приведет Мишу. Уму непостижимо, я так боялась всевозможных увечий, мне казалось, попади я на операционный стол — живой уже с него точно не вернусь. Но я ошибалась. Хорошо чувствовала боль и ощущала себя живее всех живых. Только очень одиноко. И сердце... странно щемило в груди. Вроде ничего страшного и не произошло, все остались живы, а все равно было беспокойно. И когда мама переступила порог, я поняла, что не зря волновалась. Она вошла в палату одна, Миши рядом не оказалось, возможно, она оставила его у соседки. Но почему не взяла с собой? Мальчик был бы очень рад. Но что толку теперь об этом переживать — лишь себя расстраивать. Настроение и без того было хуже некуда.

— Евгения? — обронила мать и прошла в палату, осматривая меня с ног до головы.

Я стояла перед ней в безразмерной сорочке, что мне выдали в больнице. А ещё медсестра принесла мне мой рюкзак и телефон, сказала, что утром эти вещи мне передал молодой человек. Конечно же, это был Артём.

— Я принесла тебе вещи из дома, ты как? — мама поставила пакет у тумбочки.

Заметив стул в углу комнаты, она напрямик направилась к нему, присела и перевела дух. Жалость к матери лавой растекалась по сердцу. Как только окрепну, сразу напишу расписку и

уйду домой. Там я точно была нужнее. Хотя бы пару дней отлежусь, потому как стояла сейчас, а меня пошатывало, словно плыла на корабле по беспокойным волнам.

Я тоже присела на край кровати, глядя в лицо матери. Она молчала и смотрела на меня с немым укором. И я догадывалась, за что и почему, но отгоняла эти мысли, потому что неоткуда ей было узнать о моей работе в клубе. Если только она не виделась с этим Артёмом. Но и тот... Он ведь не дурак, чтоб трепаться о таком... Хотя, что я о нем знала? Некоторые решения выстаиваются внутри какое-то время, прежде чем найти выход и применение в жизни. И мысленно я уже была готова отвечать на многие вопросы матери. Я их и так ждала. По взгляду видела, что пришло время.

— Что случилось? — спокойно спросила она.

Мама никогда не была истеричкой, в последнее время она стала вспыльчивой и цеплялась к нам с Мишей по мелочам. Но я уже научилась не обращать на это внимания. Только сейчас так просто я не отделаюсь.

— На меня напали, точнее на одного мужчину...

— Он твой знакомый? — строго перебила мать.

— Да. Нет. Какая разница. Меня просто задели ножом какие-то пьяные отморозки.

— У клуба? — уточнила мать, а у меня сердце ушло в пятки.

Хоть я и была готова к подобному вопросу и разговору, но на деле говорить об этом оказалось совсем неприятно. Я молчала и буравила маму глазами. Что мне было сказать ей в ответ? Я давно уже хотела ей во всем признаться. Так может быть сейчас пришло время? И будь что будет?

— Ты знаешь, кто оплатил тебе эту палату? — на какое-то мгновение мне показалось, что мама знает много, если не все.

— Нет. Предполагаю Артём? Тот самый мужчина, который и привез меня сюда, — я пожалала плечами.

— Эндар Тихомиров. Это имя тебе о чем-то говорит? — желваки заходили по лицу матери. — Ты ведь говорила, что работаешь в кафе на набережной? — мать смотрела на меня, сканируя пристальным взглядом. — Лучше сразу расскажи мне всю правду, — пригрозила она строгим голосом.

Но я давно не боялась ее слов. И ее совсем не боялась. Мне просто не хотелось причинять ей новую боль.

— Говори, — я тихо ответила, зачем-то тянула время и не торопилась класть голову на плаху. Авось, ещё пронесёт?

— Я разговаривала с этим человеком буквально полчаса назад. Он приходил и хотел тебя навестить. Ты... — мать запнулась, а потом прожгла меня огнем своих глаз.

Я сжалась и захотела отвернуться. А легче и вовсе исчезнуть с лица земли.

— Ты спишь с ним? — резко выпалила она, закрывая глаза, словно боялась моего ответа и молила, чтобы я сказала нет. — Никакой работы нет и в помине? Он дает тебе денег, и ночами ты ходишь к нему для того, чтобы...

— Мама! — я едва ли не закричала, перебивая ее. — Нет! — я отшатнулась, словно от удара и посмотрела на нее с укором.

Понимаю, мне мало подходило название «Самая лучшая дочь», но и вешать на себя ярлык проститутки не позволю. Это Артему можно было наговорить кучу всего и не считать себя гнусной обманщицей, но матери я хотела рассказать все, как есть. И сейчас наступило самое подходящее время.

13 глава. Евгения

Я набрала в легкие воздух и приготовилась рассказать матери всю правду.

— Нет! Мама, откуда эти мысли? Что за глупости? — я всплеснула здоровой рукой, потому как левая была плотно зафиксирована в повязке.

— Хорошо, — с каким-то облегчением выдохнула мама, и я вместе с ней.

Да, мы отделились в последнее время, не помню, когда делилась с ней своими мыслями, тем, что тревожило. Чаще с Ларисой мы обсуждали эти темы, и обеих все устраивало.

— Но тогда, что ты делала в клубе в такое время? Ты ведь говорила мне, что работаешь официанткой в кафе на набережной? И вы посменно с Ларисой ведёте два зала, — спокойно спрашивала мама.

Нет, мамочка, зал у нас как раз один, и мы работаем с Ларисой не посменно, а в паре. Но как же сложно иной раз говорить правду, будто отрезаешь от себя жизненно важный орган. Я принялась за свое изложение, зная наверняка, что мама все равно начнет перебивать. Много раз я пыталась ставить себя на ее место, как бы восприняла слова собственной дочери, что она на протяжении полугода водила меня за нос. Мне было страшно потерять ее доверие, потому что однажды его уже не оправдали. Выбросили на улицу нас всех — общую семью, как недо-евших котят.

— Я работаю в клубе.

Надеюсь, Эндар вспомнил о том, что мама не знала об этом нюансе, и нарочно не болтался. Не понимаю, зачем вообще приходил и оплатил мне палату? Чувствовал свою вину? Но за что?

— Официанткой? — спросила мама, вскинув брови вверх.

Все-таки хорошо, что она была далека от увлечений современной молодёжи. Потому как таких вакансий не предусмотрено в большинстве клубов. По крайней мере, в нашем городе, точно. Все обслуживались сами у барной стойки. Платили бармену за выпивку и шли в зал.

— Нет, я... наверно, не самая лучшая дочь, но пусть лучше ты узнаешь все от меня, нежели, будешь собирать слухи. Если они, конечно, когда-либо выползут на свет, — неуверенно говорила я.

Мама даже не шелохнулась.

— Я танцую в клубе.

— А Лариса? — зачем-то спросила она.

— И Лариса вместе со мной, — подтвердила я.

На ее лице застыла нечитаемая маска, она посмотрела на моё плечо, хоть на него и был накинута халат.

— И как давно ты этим занимаешься? — вид у матери был такой, будто я сказала ей, что у нее на голове сидел огромный ядовитый паук, столько пренебрежения было в ее голосе.

— Полгода, — я вздохнула и сжала губы в тонкую линию.

Мерзкое чувство пустоты и нарастающей тоски поднималось откуда-то из глубин. Я отвернулась к окну, за которым уже было темно. Лишь бы не видеть этот взгляд, полный недоумения и немного осуждения. Мама лишь внешне сохраняла спокойствие, я прекрасно понимала, что это напускное. Стоит только начать... И скандала не миновать. Но у меня тоже были аргументы и доводы в свою защиту, и в случае нападок, я не собиралась молчать.

— Как так получилось? — ее голос дрожал, а глаза лихорадочно бегали по моей фигуре.

— Танцами я увлекаюсь давно. Но этого я особо и не скрывала, просто лишний раз не афишировала...

— Про спортшколу Миша мне утром все рассказал.

Я зачем-то кивнула. И снова шумно выдохнула. Вот же Мишка! Просила же никому не говорить об этом.

— Однажды нас заметил Эндар, тот самый, — маме не нужно было объяснять, кто был этот человек. Много раз она сама о нем говорила, стоило местному телевидению упомянуть имя бизнесмена. Но она точно поняла, о ком я говорила. Тем более, сама виделась с ним полчаса назад.

— Так...

— Он увидел, как мы танцуем, и предложил работу в одном из своих клубов.

Мама с ужасом прикрыла ладонью рот и посмотрела на меня. Я хотела замолчать и больше не продолжать свой рассказ. — То есть, совсем случайно? — меня насторожил ее вопрос. — В спортшколе?

— Ну, да, — я ответила, не задумываясь. — У него один из сыновей занимается боксом в этой школе, а мы тренируемся там по вечерам...

— И ты вот так сразу дала согласие? — она перебила меня. — Ты... танцуешь стриптиз?

— Нет, мама! — мне было так обидно слышать эти нападки от близкого человека, но откуда ей было знать, что я все та же Женя, добрая и чистая девочка, которая не продавала свою любовь и тело за деньги. — Я лишь пыталась заработать деньги, чтобы тебе помочь накопить средства для дальнейшей учебы. Я хочу переехать в другой город... — я осеклась, когда произнесла эти слова вслух.

Доверие часто основывается на взаимности чувств. Сложно доверять человеку, к которому ничего не испытываешь, даже несмотря на то, что вас очень многое раньше связывало. Между мной и мамой давно уже выросла стена отчуждения. А теперь я ощущала, как обрывалась непрочная нить доверия, связывавшая нас все это время после ухода отца. Она сильно натянулась в тот момент, когда я осмелилась высказать все, что думала об отце. Мать тогда накричала на меня, потребовала не говорить о нем ничего плохого, будто ещё надеялась, что он вернется. Запретила и Мише рассказывать обо всем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.